

Александр Чернов

ИЗ ЗАПАДНИ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Чернов

Из западни

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Чернов А. Б.

Из западни / А. Б. Чернов — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-136473-1

Первые успехи русских моряков вызывают неизбежную ответную реакцию японцев. В итоге им удастся то, что они безуспешно пытались проделать в известной нам истории: проход в гавань Порт-Артура заблокирован затопленным брандером. Семь броненосцев Макарова – главная сила Тихоокеанского флота России – в одночасье выведены из игры. И на долгие месяцы, пока водолазы не расчистят фарватер, а с Балтики не подойдут долгожданные подкрепления, отряд наших крейсеров во Владивостоке остается один на один со всем Соединенным флотом. Задача уничтожения русских морских сил по частям теперь представляется вполне разрешимой для адмирала Того, ведь даже малая ошибка Руднева в сложившейся ситуации может оказаться роковой. А в это время в Петербурге Банщиков ведет тайную битву за будущее страны. Но мало убедить царя в пагубности бездействия и полумер. Мало добиться верных решений на высшем уровне ее руководства. Нужно еще, чтобы они были исполнены. Точно и в срок. К сожалению, в России слова «взятка», «косность», «рутина» и «волокита» – не пустые звуки в любые времена...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136473-1

© Чернов А. Б., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Чернов

Одиссея крейсера «Варяг»: Из западни

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 198

© Александр Чернов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варягъ” – победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга”»

На основе оригинального таймлайна Мир «Варяга»-победителя–2 (МПВ-2)

Больше «Варягов»! Хороших и разных!
Глеб Дойников

Пролог

О-ва Эллиота, Такэсики, Порт-Артур.

Апрель – май 1904 года

Того Хейхатиро не любил работать по ночам. Ценные мысли чаще посещали его при свете дня. Но в последний месяц планы войны на море шли к западным демонам, и невольно приходилось засиживаться за своим столом допоздна в попытках решить нерешаемое. Плохие новости приходили почти каждый день. Сегодня, например, ему уже доложили об очередном потерянном военном транспорте, причем даже не потопленном, а захваченном русскими вспомогательными крейсерами.

Но, к сожалению, кроме просто плохих новостей, были еще и очень плохие. По части же попыток закупорить русскую эскадру на внутреннем рейде Порт-Артура таковыми пока были практически все.

Первая атака брандеров, которые должны были «заткнуть» вход в гавань, провалилась еще до прибытия из Петербурга нового командующего русским флотом вице-адмирала Макарова. Транспорты были отогнаны или утоплены огнем сидящего на мели под Тигровой горой «Ретвизана» и дежурных миноносцев. И из Порт-Артура в любой день могла выйти эскадра, достаточно сильная, чтобы о высадке 2-й армии у Хоуциши или в крайнем случае у Бидзиво не могло быть и речи.

С не меньшим треском провалилась вторая самоубийственная атака его моряков. И хотя она производилась значительно большими силами, а «Ретвизана» русские уже втащили в гавань, итог оказался тем же: утопленные пароходы, погибшие храбрые воины и... русская эскадра, вновь почти без помех способная выходить в море.

Как стало известно, в этом ночном побоище Макаров лично участвовал, командуя своими кораблями с борта... канонерки! Со столь решительным и отважным противником японский Императорский флот и его командующий столкнулись впервые.

Однако на генеральное сражение с главными силами адмирала Того Макаров не шел. А ведь именно этого было бы логично ожидать от безрассудно храброго алармиста, каковым его многие считали. Вопреки расхожему мнению Того уважительно и настороженно относился к своему противнику, видя в нем не прежнего лихого командира, коим Степан Осипович и был в молодости, а уже умудренного опытом, дерзкого, но расчетливого противника-флотоводца. Противника, который готов ухватиться за любой предоставившийся ему шанс и способен использовать любую, самую незначительную его, Того, ошибку.

Несмотря на положение заблокированного в водах Ляодуна, Макаров регулярно выводил из Артура свои броненосцы и крейсера для обучения маневрированию и стрельбе в зоне, прикрытой огнем мощных береговых орудий с Электрического утеса. И каждый раз его корабли двигались только по тщательно протрассированным фарватерам, а иногда, когда скорость не требовалась, и непосредственно за тральным караваном.

Возле двух его флагманов – «Победы» и «Пересвета», на котором держал флаг князь Ухтомский, – неотлучно находилась пара миноносцев, как недавно доложила разведка, – в целях перевоза адмиралов и штабных на другой корабль на случай минного подрыва. Один этот факт напрочь разрушал кривотолки о беспешачной горячности и напускном бравадничестве Макарова. Когда же стало известно, что на «Победу» он перевел штаб и перешел сам по той простой причине, что ее водотрубные котлы не грозят немедленной катастрофой в случае подводной пробоины, в отличие от огнетрубных на «Петропавловске» и двух его систершипях, иллюзий относительно возможности взять русского адмирала на «слабо» больше не осталось.

Того вымученно вздохнул, вновь с горечью вспомнив о неудаче первой, внезапной атаки его истребителей на эскадру Старка, стоявшую без противоминных сетей на внешнем рейде

крепости. Если бы только удалось утопить тогда «Цесаревича» и «Ретвизана»! Если бы угодили в «Аскольда» и «Победу» прошедшие под ними мины, а вторая из попавших в «Палладу» взорвалась! Все могло сложиться иначе. Но, по-видимому, боги хотят избавить японский флот от легких путей...

Конечно, русские пока не заинтересованы в форсировании событий на море – они имеющимся составом сил достигнут полной боеготовности в конце мая – июне, когда будут отремонтированы подбитые корабли. А пока они организовали тральные силы и регулярно чистят внешний рейд от японских ночных «подарков». Довооружили минные суда, и теперь в артиллерийском отношении их истребители не уступают нашим. Постановка на дежурство в проходе ночью крейсеров также серьезно осложнила нам жизнь, особенно когда очередь караульных выпадает «Аскольду» или «Новику».

Вдобавок они затопили несколько своих пароходов так, что фарватер к проходу теперь напоминает букву Z, ночью вписаться в него можно только четко привязавшись к береговым ориентирам (еще вопрос – к каким), или отправлять какой-то из миноносцев на верную смерть – служить маячными кораблями.

Гарантированно ликвидировать артурскую эскадру можно пока лишь одним способом – ускоренным штурмом крепости армией. Соответственно, всё распределение сухопутных сил и подчинено этой важнейшей задаче. Только взятие крепости или плотная осада, приводящая к утоплению русских судов перекидным огнем гаубиц, снятых с береговой обороны японских портов, смогут гарантировать удержание моря в японских руках. Контроль коммуникаций – неременное условие победы страны Ямато в этой войне.

Но в случае сохранения дееспособности русской эскадры в Порт-Артуре, как только с Балтики на Дальний Восток выйдут корабли типа «Бородино», время до поражения Японии на море начнет исчисляться неделями. Пока же боеспособны все семь броненосцев Макарова, готовая к высадке на Квантун 2-я армия генерала Оку с 18 апреля вынуждена болтаться на 83 транспортах в устье корейской реки Тайдонг, ибо обеспечить ее безопасной высадки вблизи Порт-Артура Соединенный флот до сих пор не может. Замкнутый круг...

И на закуску к таким невеселым раздумьям. Из Чемульпо только что пришло очередное «радостное» известие: транспорт пропорол себе бок, неудачно навалившись на затонувший на фарватере в первый день войны крейсер «Чиода». А с тоннажем и так дефицит...

Ну? И где нам теперь брать пароходы для очередной попытки завалить проход к Порт-Артуру утопленниками? И вдобавок только что откорректированный график перевозок надо заново ломать и уточнять. Этот «Варяг», как кара богов, продолжает вредить императорскому флоту даже стоя в доке.

Действительно – словно кость в горле! Как «Чиода» в Чемульпо. И ведь просто так не поднимешь старый броненосный крейсер с фарватера...

СТОП... Старый броненосный корабль на фарватере... Просто так не поднять. Просто так и не утопить. Ни миноносцам, особенно если тот будет отстреливаться, ни артиллерией – все-таки даже старый броненосец или крейсер с броневым поясом – это не транспорт. Нормы прочности и живучести совсем другие.

Чем же из старья японский Императорский флот готов пожертвовать для обеспечения высадки армии? Старый казематный броненосец «Фусо» и еще более старые корветы типа «Конго», пожалуй, подойдут. И пяток пароходов во второй волне, больше найти уже вряд ли получится. Если кого-то из ветеранов удастся затопить на фарватере Порт-Артурской гавани, русская эскадра, хоть и с «Цесаревичем» и «Ретвизаном», никак не сможет помешать высадке десанта.

Только в этот раз никакой суматохи! Операцию нужно подготовить особо тщательно, потому как четвертой попытки, скорее всего, у нас не будет. У меня не будет...

Неизвестно, сколько времени у русских уйдет на то, чтобы расчистить потом фарватер, они уже пару раз удивили в эту войну, как приятно – своей неторопливостью поначалу, так и неприятно – в основном Руднев, а теперь и Макаров. Но на высадку второй армии месяца-двух должно хватить с избытком.

* * *

Когда три недели назад вице-адмирал Того лично прибыл на борт «Фусо», стоящего в военном порту Такэсики на Цусиме, удивлению командира корабля и всей команды не было предела. Действительно, бывший четверть века назад гордостью нового японского флота, его первый корабль сейчас, несмотря на две проведенные модернизации, безнадежно устарел. Да и у комфлота во время войны должны быть дела поважнее, чем инспекционная поездка по старым посудинам.

Но речь Того все поставила на свои места. Он объяснил построенному экипажу «Фусо», что император просит у них жертвы во имя Японии. Они должны своими телами и телом своего корабля заблокировать русским выход из по праву пролитой крови¹ принадлежащего Японии Порт-Артура. Это позволит наконец высадить в Бидзыво армию, которая с суши возьмет крепость, что ликвидирует угрозу со стороны русской эскадры, которая трусливо отказывается выходить на бой.

Всем не желающим идти на почти что верную гибель – Того не скрывал, что спастись с броненосца, затапливаемого на фарватере вражеской гавани, практически не реально, хотя тот и будет вести на буксире три паровых катера для эвакуации экипажа, – было предложено сейчас же сойти на берег.

Таковых на борту «Фусо» не нашлось. Тогда Того сам зачитал список членов экипажа, которые должны были повести броненосец в его последний боевой поход. Действительно, в самоубийственной атаке не было смысла иметь на борту полную смену кочегаров и механиков, штурмана и палубных матросов. Япония не могла позволить себе бесполезную гибель сотни обученных моряков.

По плану штаба флота, Окуномия тоже должен был оставить «Фусо» на своего старшего офицера и отбыть в Англию для принятия нового эскадренного броненосца, переговоры о покупке которого только что завершились. Но случилось нечто совершенно беспрецедентное для взрощенного на жесткой субординации и самурайских традициях подчинения приказам Императорского флота офицера.

Капитан второго ранга Окуномия не просто отказался выполнять приказ командующего Соединенным флотом вице-адмирала Того. Он вытащил из ножен меч², протянул в поклоне опешившему командующему и попросил или позволить ему командовать броненосцем в его последнем походе, или отрубить ему голову, избавив этим командира броненосца и весь его род от позора бегства с поля битвы.

Когда Того разрешил ему остаться на борту, а затем посвятил во все детали операции, Окуномия предложил несколько изменить порядок следования кораблей. Он посчитал, что головным желательнее поставить транспорт «Ариаке-Мару», набитый мешками с рисовой

¹ Во время японо-китайской войны Порт-Артур был штурмом взят японцами. Но по условиям мирного договора, под нажимом России, Франции и Германии, возвращен китайцам. А затем, в результате банальной взятки, которую получил китайский министр иностранных дел, был сдан в аренду России, которая в войне вообще участия не принимала. На 25 лет, вместе со всем Квантунским полуостровом. Россия также получила право на постройку к нему экстерриториальной железной дороги через всю Маньчжурию.

² В Японии периода Русско-японской войны 1904–1905 годов полным ходом шла «европеизация», по объему сравнимая только с проводимой в России парой сотен лет раньше, Петром I. Поэтому официально морские офицеры были вооружены палаши европейского образца. Но многие самураи просто прикрепляли к старому фамильному клинку вместо цубы новую, уставную гарду. И меч по-прежнему оставался «душой самурая».

шелухой для обеспечения плавучести. Задачей парохода было обнаружение русских дозорных судов, по прожекторам которых и должен был вести огонь из своих шести- и пятидюймовых орудий «Фусо», и точное выведение идущих в кильватере броненосных судов на фарватер, ведущий к проходу на внутренний рейд.

В качестве ориентиров для привязки предполагалось использовать пожары нескольких приметных строений на берегу. Разведка обязалась это обеспечить. Предполагалось, что занятые обстрелом «Ариаке-Мару» русские в темноте, скорее всего, примут «Фусо» за еще один транспорт и подпустят на близкое расстояние. При стрельбе в упор две шестидюймовки и четыре 120-миллиметровки старого броненосца были способны не только утопить один-два дежурных миноносца, но и вывести из строя бронепалубный крейсер дозора.

Того согласился с разумным предложением. И даже приказал установить на идущем на закланье старом броненосце два дополнительных шестидюймовых орудия...

Глава 1

Ответный ход

Владивосток, Порт-Артур. Апрель – май 1904 года

Дверь комфортабельного номера «Астории», что на Светланской, превращенного во флотскую офицерскую гауптвахту, со скрипом распахнулась. И обернувшийся на резкий звук Балк увидел в дверном проеме до боли знакомую фигуру с контр-адмиральскими орлами на погонах и тросточкой в правой руке.

– Ну-с, господин главный хулиган с «Варяга», докладывай, как дошел до жизни такой? Неужто тебя, Вася, без присмотра на пять минут оставить нельзя? Ну зачем? Скажи, зачем ты этого чинушу-то несчастного пристрелил?

– Да ладно! С каких это пор без уха умирать начали? Лучше сам расскажи, как сходили?

– Расскажу, как из кутузки выйдешь. ЕСЛИ выйдешь... Родной, ты что в городе-то учудил? Я только успел из порта сюда доехать, как мне уже в два уха напели, что ты каждый вечер пьянствуешь в компании армейцев в «Ласточке» и сманил половину казаков гарнизона к себе на какой-то там еще поезд. И за это на нас уже войсковому атаману не один донос настрочили. Что застрашал все чиновничество города, таская по площади умирающего асессора Петухова. Что не подпускал к нему патруль, паля из револьвера. За это, кстати, тебе грозит суд и куча иных «ништяков». И это все – за неделю с хвостиком, что мне не до вас тут было. Ну-с? И как я теперь отпущу тебя на бронепоезде в Маньчжурию? Ты же его пропнешь или в карты проиграешь!

– Ладно, давай по пунктам. В «Ласточке» я с армейцами не пьянствую. Вернее, не только и не столько пьянствую, сколько отбираю себе офицеров в первый батальон морской пехоты и на бронепоезда. И заодно просвещаю местное дремучее офицерство по поводу организации обороны, действий малых групп и прочих премудростей, до которых им пока как до Парижу раком. Казаков сманил, говоришь? А как мне еще обеспечивать дозоры вокруг бронепоезда на стоянке и при ремонте пути? А разведку? Конечно, я с уже знакомым тебе хорунжим отобрал лучшее, что есть во Владивостоке и его окрестностях. Что это не понравилось их начальству – не удивлен. Но, брат, мне это фиолетово. Да и против царского указа не погрешь...

– Погоди, какого такого указа? Ты что, царские указы наводрился подделывать?

– Зачем подделывать? Я не в курсах, что именно там Вадик с Николашкой сделал, но тот указ, что я у него попросил, получил обратно за подписью самодержца через три дня. Право на отбор любого личного состава в «особый бронедивизион Императорского флота „Варяг” под командованием лейтенанта флота Василия Балка». Ну и там еще кое-что, по мелочи, о недопустимости чинения препятствий вышеупомянутому лейтенанту в том числе...

– Не задавайся, рановато пока. Ты еще про пристреленного чинушу мне не рассказал. Что за препятствия такие он «чинил вышеупомянутому Балку», что его пришлось валить?

– Он, Петрович, мне сделал предложение, от которого я, по его мнению, никак не мог отказаться. Началось все с того, что я к нему пришел за вагонами. Причем эти вагончики были мне выделены министром путей сообщения, и все бумаги у меня были. Оплачены они тоже из казны между прочим.

И вот. Этот петух гамбургский, напоив меня чаем, говорит: «...а давайте-ка мы небольшой гешефтик-с сделаем...» И предлагает мне отчитаться перед Петербургом, что, мол, вагоны

я получил, но на перегоне Владивосток – Никольск они сошли под откос и теперь требуется их замена, а мне – десять процентов от стоимости... Ну, или пятнадцать. Из особого уважения.

Я ему честно, сначала по-хорошему попытался объяснить, что вагоны нужны для дела, а гешефт мы после войны сделаем. Нет, война, говорит, все спишет. Я молчу. Наконец, поняв мою дремучую тупость, фыркнул, выписал-таки. Расписался я в получении, пошел принимать. Так эта ж сука мне вагоны из сгоревшего в том году в Никольске старого депо подсунула, там даже оси к буксам так приржавели, что их паровозом не провернуть!

Опять возвращаюсь к нему. И по-доброму говорю: мне, мил человек, на фронт через две недели ехать. Не могу я этот хлам восстанавливать, дай те вагоны, на которых во Владик грузы для флота доставили. Я их под разгрузкой в порту видел, в нормальном состоянии все, только добронировать – и вперед. Нет, говорит, берите, любезнейший, что вам дают, и в следующий раз, когда умные люди будут предлагать дельные вещи, не крутите хвостом.

Тут на меня и накатило... Я таких гадов еще в том, в нашем времени понасмотрелся. И натерпелся от них. В общем, сунул я ему ствол под нос и стал колоть. Кто, где, как и сколько на ремонте крейсеров, постройке крепостных батарей и прочих флотских и армейских делах наваривает. Сперва хотел было покочевряжиться, типа законник, – усмехнулся Балк, – но как я ему мочку отстрелил – запел, гнида, ака канарейка породистая...

В общем, список чиновников, подрядчиков, схем их взаимодействия и наворованных сумм – у меня в каюте, под столом приклеен.

Кстати. Гаупт наш то ли сам замазан, то ли настолько привык ко всеобщему воровству, что уже и не обращает внимания. При демонтаже мачты «Рюрика» и ремонте палуб с трубами смета удвоена. Дерево, которое заготовили для подкладки под броню в оконечностях у него и «России», – гнилое, купили по дешевке после разборки разваленных Камимурой домишек. И полетят эти листы в воду от первого снаряда: болты срубит. Зато кто-то наварил пару тысяч.

Трубки котлов, которые при ремонте «Варяга» использовались и были втридорога проданы морскому ведомству господином Калининским, на самом деле из запасного комплекта самого «Варяга», который и так был собственностью этого самого ведомства. Просто на них документы потеряли, а он якобы случайно нашел. Но как сам этот комплект вообще попал во Владик вместо Порт-Артура, пока загадка. Хотя какая там загадка, обычный бардак, этими же чинушами и созданный. Не знаю только, умысленно или нет. И это только то, что знал один мелкий чиновник железнодорожного ведомства...

Ну, я его у почтамта в одном исподнем да с ошметками ушка и привязал к фонарному столбу. С плакатиком «так будет с каждым, кто попытается воровать у армии и флота»... Что, правда скотина помер? Странно, вроде не должен был от такого ранения. Может, сердце слабое или простыл?

А от патруля я вообще не отстреливался. Я им честно сказал – схожу только на крейсер, переоденусь, возьму смену белья и сам приду на гауптвахту. Кто ж знал, что тут в гостиной сидят господа офицеры. Стрелял я в воздух, чтобы внимание к этому Петуху привлечь... Ладно, Петрович. Завязывай на меня глазами крутить... Ну, да... погорячился...

– Слушай, Вась, а как-нить попроще ты не мог? Без явных улик? – усмехнулся Руднев.

– Ну, извини, говорю же – погорячился. Младая кровь, понимаешь...

– Короче. Сиди-ка тут до послезавтра и не рыпайся, герой. А я пойду, попробую завалы дерьмища за тобой разгрести. Чтоб шибко не грустил, скажу, чтоб Шустовского тебе и закусь принесли. Карбонарий фигов... Но красавец каков сей господин... Калининский, говоришь...

* * *

Через день Руднев снова появился на пороге «камеры» Балка, на этот раз с вооруженным эскортом из матросов с «Варяга».

– Значит, так, этот шпак недостреленный жив. Пока гостит у эскулапов. Одевайся живо в парадное, отправляемся на встречу с лучшими людьми города. У меня с собой десантная полурота с «Варяга», с оружием. Сначала в госпиталь за твоим крестником заедем, а уж после в городское собрание. И это... Списочек из каюты твоей я изучил. Впечатляет... Так что начинаем делать военный переворот в отдельно взятом городе. Пора объяснить народу, что такое законы военного времени. Будут знать, как у *меня* крысить.

– Ты два дня полуроту собирал?

– Нет, за эти двое суток я из Питера получил высочайшую индульгенцию: приморская крепость Владивосток теперь официально не только на военном положении, но и на осадном. И живет по законам военного времени. Пришлось ввести в оборот такое понятие. Подчинена флоту. И самый главный петух в этом курятнике – я. И закрой пасть, плиз, а то вижу по наглой улыбочке, что хочешь тему про птичку откомментировать. Не та эпоха, не стоит. Кстати, и Макарову такой же карт-бланш надо постараться выбить, если у нас здесь без эксцессов пройдет... Короче, на выход, лейтенант Балк. С вещами!

* * *

Следующие три дня во Владивостоке чиновники и подрядчики вспоминали не иначе как словами «Варфоломеевская ночь». Хотя ни один человек в эти три дня не то что не погиб, а даже не был поцарапан. Но вид полуголого Петухова, стоящего у столба с кровавой повязкой на голове, так восхитительно повлиял на не знавших подобного обхождения «бизнесменов», что физического воздействия больше и не требовалось. Достаточно было одного появления в допросной Балка с парой страхолюдного вида казаков с драгунками, чтобы несгибаемый и «кристально честный» чиновник, затравленно глядя на десяток лежащих на подоконнике табличек с надписью «Вор – пособник врага!», идентичных болтавшейся на шее Петухова, начал каяться в грехах, закладывая подельников.

Затем раскаявшийся грешник на глазах ждущих своей очереди коллег отводился в подвал, откуда чуть погодя иногда раздавался револьверный выстрел. Балк весело палил в воздух, объясняя побледневшей жертве, что «палец сорвался, а курок чувствительный»³.

К концу недели в казну было возвращено материалов и иных ценностей на сумму более полумиллиона рублей. В завершение мероприятия перепуганные чинуши и подрядчики, боящиеся смотреть в глаза друг другу, были собраны в зале городского дворянского собрания. Руднев произнес перед ними речь, которую можно было резюмировать одной фразой: «До конца войны воровать у армии и флота нельзя!» Тех, кто не внемлет, ожидает расстрел. Для тех, кто проникнется и будет трудиться не покладая рук, – вся информация, добытая в ходе следствия, никуда и никогда не пойдет. Все темные делишки, не касающиеся армии и флота, не касаются и Руднева.

Но больше всего городской бомонд и обывателей напугала речь Руднева, которую он произнес перед общим собранием матросов и офицеров отряда своих крейсеров. Перед тем как повести моряков на не характерное для них дело. И самым страшным было начало...

– Товарищи! – По рядам выстроившихся по экипажам матросов и офицеров прошло быстрое, недоуменное шевеление, как по колосьям пшеницы, когда по ним пробегает порыв свежего ветра. Не то чтобы социалистические идеи были особо популярны среди моряков на Дальнем Востоке, но сочувствующие были. Даже среди «белой кости».

– Я не оговорился... Я всех вас считаю своими боевыми товарищами. И тех, кто со мной на «Варяге» прорывался с трофеями вокруг Японии. И тех, кто со мной на «Богатыре» держал

³ Между прочим, у револьвера Нагана образца 1895 года усилие спуска больше четырех килограммов. Так что Балк просто издевался над «шпаками».

на почтительном расстоянии от захваченного купца трех «Мацусим». И тех, кто на крейсерах ходил к японцам в огород. Кто на «Громобое» рванулся нам навстречу, зная, что, быть может, придется отбиваться от пары-тройки асамоидов. А еще тех, кто тушил пожар на «Рюрике», готовился к атаке Камимуры и ходил к Гензану на миноносцах...

Всех вас, от командиров кораблей до последнего штрафного матроса, я считаю своими боевыми товарищами! Ибо мы вместе ходили под Богом и японскими снарядами, даже если мы там были в разное время и не всегда рядом...

Сейчас нам с вами, товарищи мои дорогие, придется заниматься тем, чем армия и флот заниматься не должны – наводить порядок в этом городе. Но я верю, что мы справимся и с этим – не страшнее снаряда под ватерлинию будет. Как бы быстро с этим полиция разбиралась – вам понятно. Поэтому, с дозволения государя, приходится нам самим дрянью сию разгрести.

И еще. Я испросил у государя императора разрешения, чтобы все члены Товарищества ветеранов войн Российской империи, которое мы с вами создадим, имели право обращаться друг к другу как товарищи. Вне службы, конечно. Так что для всех вас я сейчас «товарищ контр-адмирал». Если кто-то из господ офицеров считает, что такое обращение уронит его честь и достоинство – вступление в сие общество дело сугубо добровольное.

Когда смолкли восторженные крики «ура» и оторопевшему Балку удалось на минуту уединиться с Рудневым, тот был схвачен за грудки и с пристрастием спрошен:

– Ты что за балаган устроил, Петрович? Какие, в жопу, товарищи? На кой ляд?!

– Вася, успокойся, – непривычно скромно и застенчиво начал Руднев, – все началось с одной моей идиотской оговорки. Я когда от тебя шел, у меня Стемман что-то спросил, ну а я, голова-то занята, на автомате его и переспросил: «Простите, товарищ капитан первого ранга...» Ну, пришлось пообещать, что разъясню.

Наплел ему позавчера про это гребаное «товарищество», мол, обдумываю... Надеялся, что отвяжется. А он в тот же вечер приперся почти что с половиной офицеров крейсеров и попросил организовать оное общество немедленно! Я думал спустить на тормозах – сказал: «или все участники боевых действий, не струсившие под огнем, включая матросов и даже армейцы, или я не участвую». Думал – не проглотят, так нет – прогрессивная молодежь, блин! Согласились даже на это! Хотя и не сразу. Короче, задний ход я дать не смог. Уже и списки составляют. Но не расстраивайся – через пару месяцев, думаю, идея сама собой зачахнет.

– Хм... Знаешь, а может, и не зачахнет, особенно если этой идее помочь... Какую-то идеологию нам все равно надо будет Ильичу с компанией противопоставить, а если господа-товарищи офицеры на это готовы пойти, так почему бы и не «Товарищество ветеранов» для начала? Может, надо даже ввести какие-то отличительные знаки на одежде, чтобы было сразу видно – господин-белоручка перед тобой или товарищ-воин... Мне, кстати, у беляков шеврон нарукавный из триколора нравился... Уставчик разработать, корпоративную табель о рангах и прочее... Может, чего и выйдет дельное.

– Но в такой «клуб» по определению только служившие во флоте и в армии попадут, причем не все. Какая же тут массовая идеология?

– Знаешь, за кем сила, то есть армия, тот, в конце концов, и прав... Читал я как-то в детстве Хайнлайна, интересные у него были мысли... Хотя и не только армия... Думаешь, зря, что ли, в нашем «светлом» будущем тотальная зачистка армии и флота велась, а оборонка России разваливалась бешеными темпами? Просто где-то кто-то очень неглупый смекнул, что окончательной капитуляции перед Америкой эти два русских сословия, если употребим такой термин в данном случае, могут и не допустить, выступив открыто и сообща. Так что инженерный корпус тоже нужно привлекать. Опять же по Петровской табели о рангах чиновнички – тоже люд служивый. Зарвавшихся – сажать безжалостно, конечно. А как честные служаки? Может, и для них что-то организуем, типа «Десять лет без единой взятки»? Посмотрим, короче...

Увы, занятые выведением чиновничества и купечества Владивостока на чистую воду и созданием «партии еще более нового типа», Руднев с Балком пропустили ответный ход Того, который внезапно и решительно перевесил чашу весов войны на сторону Японии.

* * *

В ту теплую и тихую ночь в начале мая дежурство у прохода на внешнем рейде несли четыре миноносца во главе со «Сторожевым» и «Манджуром». Примерно за двадцать минут до полуночи за озером, примыкавшим к новому городу, среди садовых домов начался пожар. Горели сразу три строения. Моряки с дежурных кораблей еще обсуждали, как это хозяева умудрились допустить такое и кому из начальства так не повезло, как вдруг вспыхнул сразу с двух концов старый китайский склад под Золотой горой.

Первыми почувствовали недоброе офицеры «Решительного». Всем на корабле было приказано тщательно наблюдать за морем. И именно с этого миноносца обнаружили первое выполняющее из темноты крупное судно. Оправдывая свое название, «Решительный» понесся в атаку. Над рейдом разнесся вой сирены, оповещающий все корабли эскадры и береговые батареи о том, что пауза в ночных развлечениях закончилась.

На дежурных «Новике» и «Диане» начали спешно выбирать якоря, а на остальных кораблях эскадры играли боевую тревогу. Увы, «Севастополя» у артиллерийской пристани, как на грех, не оказалось. Броненосцу накануне позволили пополнить уголь после очередного выхода, а вовремя закончить это грязное дело его экипаж не удосужился, что потом и стало последней каплей при решении Макарова о снятии его командира Чернышева...

Его, по обоюдному согласию высоких договаривающихся сторон, заменили на мостике «Севастополя» на каперанга Андреева, прибывшего принять «Россию» у выплавившего свой ценз Арнаутова. Чему, в свою очередь, решительно воспротивился Руднев. Макаров сгоряча хотел было поставить на «Севастополь» Эссена, однако после долгой беседы с наместником с глазу на глаз уступил. И правильно сделал, ибо по темпераменту и бойцовским качествам Николая Оттовича вручать ему самый тихоходный линкор эскадры было, конечно, не совсем верно.

Чернышев по ходатайству Алексеева был назначен командиром ремонтирующегося на Балтике броненосца «Император Александр II» и вскоре отбыл в Кронштадт. Таким образом, наместник не только спас карьеру своего хорошего товарища, но и убрал из Артура подброду поздраву обиженного на Макарова человека. Вместе с Чернышевым покинул Дальний Восток и списанный Макаровым с «Дианы» каперанг Залесский, но о причинах его отбытия в Гельсингфорс чуть ниже...

Не успел еще «Решительный» сблизиться с обнаруженным транспортом на расстояние минного выстрела, как с идущего в кильватер за головным парходом корабля по прожектору миноносца ударил залп шестидюймовых орудий, а из-за неуклюжей туши незнакомца «на огонек» выскочили несколько японских контрминоносцев. Сюрприз за сюрпризом!

Лейтенант Рошаковский, на днях переведенный с «Полтавы» на замену занедужевшему командиру «Решительного» Корнильеву, определившись с намерениями и возможностями его противников, немедленно приказал ворочать обратно к входу в гавань, под прикрытие береговых батарей. Но к моменту окончания разворота его миноносец успел получить четыре 75-миллиметровых снаряда от истребителей противника и под расчет – один «подарок» среднего калибра с «Фусо», канониры которого вели огонь по прожектору, пока тот не успели погасить.

Взрывом шестидюймового снаряда на «Решительном» повредило парвую магистраль в котельном отделении, и теперь единственным шансом на спасение теряющего пар корабля было как можно скорее приткнуться к берегу. Над морем снова завывала сирена, на этот раз от

того, что осколком срезало предохранительный клапан. Душераздирающий вой продолжался минут пять, пока один из кочегаров не расплющил кувалдой ведущий к ней паропровод.

«Решительный» вышел из игры. Но главную свою задачу отважный кораблик выполнил сполна: в Артуре готовились к встрече гостей. Только, к сожалению, там пока собирались отбиться от очередного наскока миноносцев, пытающихся завалить рейд минами...

Напрасно Рошаковский, подбежав к сигнальному прожектору, орал на сигнальщика, чтобы тот отстучал донесение о транспортах и, как он считал, крейсерах, направляющихся в их сторону. Дуговая лампа сигнального прожектора и провода были посечены осколками, да и работа динамо-машины уже прекратилась из-за падения давления пара. Все же для кораблика водоизмещением менее трехсот тонн попадание шестидюймового снаряда если не чистый нокаут, то уж нокдаун – наверняка.

В отчаянной попытке предупредить эскадру об атаке брандеров Рошаковский приказал выпустить все имеющиеся под рукой ракеты, и в небо взвились три огня красного цвета...

Реакция «Новика» и оставшихся боеспособными трех русских миноносцев на появление семерки эсминцев противника была предсказуема – при «бегстве» японцев от его крейсера в открытое море Эссен, естественно, ринулся за ними. Восьмой японский истребитель с «Новика» не заметили: «Асагири», погнавшийся было за «Решительным» в попытке добить подранка, получив в скулу 75-миллиметровый «привет», временно потерял способность идти полным ходом из-за пробоины и благоразумно «отполз» в темноту.

Когда через двадцать минут гонки крейсер попытался прекратить преследование более шустрых дестроеров, «беглецы» неожиданно все вместе повернули на него и попытались провести скоординированную атаку. «Новик» и увязавшиеся за ним «Сторожевой», «Скорый» и «Страшный» встретили противника частым огнем. В ходе этой схватки наш крейсер 2-го ранга не только удачно уклонился от выпущенных мин, но и всадил в шедший головным «Хаядори» сразу три 120-миллиметровых снаряда.

Настала очередь флагмана четвертого отряда дестроеров, травя пары и туша пожар в машине, пытаться затеряться в темноте. Только, в отличие от «Решительного», под боком у него не было берега, на котором стоят свои береговые пушки, гарантирующие относительную безопасность от преследования. Лейтенант Хоменко на «Скором», разглядев бедственное положение японца, развернул на него свой контрминоносец⁴. Но «Харусаме» и «Мурасаме» не бросили флагмана: минная атака «Скорого» была сорвана сосредоточенным обстрелом с трех дестроеров противника. С «Марусаме» он сошелся буквально на пистолетный выстрел. При «обмене любезностями» сам Хоменко был ранен револьверной пулей в плечо.

Но противопоставить орудиям «Новика» японцам было нечего. Отбившись от Пятого отряда истребителей, русский крейсер изменил курс и направился в сторону потерявшего ход «Хаядори». Не теряя времени, командир Четвертого отряда истребителей капитан второго ранга Нагай приказал «Харусаме» и «Мурасаме» снять с обреченного корабля команду, а сам остался на борту. Вместе с ним сходить с истребителя отказались его командир, капитан-лейтенант Такеноччи, и семь матросов. Все они до последнего отстреливались от «Новика» из носовой 75-миллиметровой пушки и разделили судьбу корабля, пойдя с ним на дно, когда «Скорый» во второй заход всадил неподвижному эсминцу торпеду в борт.

Эссен со своими офицерами еще радовался победе, досматривая в бинокли последние конвульсии складывающегося пополам, как перочинный нож, японского истребителя, когда с

⁴ Контрминоносец, он же истребитель, он же дестроер, он же эсминец, он же «большой» миноносец. Когда в конце XIX века для флотов мира стало очевидно, что маленькие, но кусачие миноносцы на самом деле опасны для крупных кораблей, встал вопрос об их защите. Лучшим средством для этого были признаны более крупные миноносцы с сильной артиллерией. Кроме охраны своих, им вменялись в обязанности и атаки чужих крупных кораблей, поэтому де-факто они просто стали чуть более крупными миноносцами и со временем полностью вытеснили своих мелких коллег. Но в начале XX века термин «эсминец» или эскадренный миноносец еще не был общепризнанным.

левого крыла мостика донесся крик сигнальщика: «Миноносцы с зюйда, пять штук, идут прямо на нас!»

«Новик» мгновенно – сказала отличная выучка команды и прекрасные маневренные характеристики этого небольшого кораблика – развернулся к противнику левым бортом на сходящихся курсах. И не успели на головном, несколько оторвавшемся от остальных миноносцев, показать свои позывные, как на него обрушился град 120- и 75-миллиметровых снарядов. К сожалению для «Сторожевого», который пытался уйти от преследующих его четырех миноносцев противника, огонь крейсера опять был точен.

Пока на «Новике» разобрались, в чем дело, пока чертыхнувшийся с досады Николай Оттович приказывал перенести огонь на преследующих наш истребитель японцев, а разгоряченные комендоры выполняли этот приказ, русский миноносец успел проглотить четыре русских же снаряда: один 120-миллиметровый и три 75-миллиметровые болванки общей ценой в пять жизней...

В кутерьме преследования, отворотов, циркуляций, новых преследований, атак и уклонений основные силы охраны рейда Порт-Артура ушли от входа на фарватер как минимум на пять миль. План Того по отвлечению охранения рейда приманкой из миноносцев удался на все сто.

К этому моменту наконец-то проснулись и артиллеристы береговой обороны. С Золотой горы засветили прожектор, луч которого уперся в окутанный паром «Решительный», на остатках давления в котлах плетущийся к берегу. Артиллеристы с Электрического утеса сразу же открыли огонь по несчастному кораблику, которому до бурунов прибой оставалось еще с полмили. До момента его входа в мертвую зону батареи № 15 они успели выпустить по нему восемь снарядов, один из которых, прошив палубу, распотрошил угольную яму и вышел через днище. Без взрыва...

Спасло миноносец только то, что снаряды утеса в начале войны были... скажем так – несколько специфическими. Ибо в случае взрыва десятидюймовой бомбы его разорвало бы пополам. «Решительный» быстро сел на нос и кренился на правый борт, но через минуту под днищем заскрежетали камни, и израненный корабль выполз на прибрежную отмель.

Вот только на этом проблемы его экипажа не закончились. Моряки еще крестились и помнили Николая Чудотворца, спасшего их от утопления, как с берега по эсминцу открыли пальбу винтовки пехотной полуроты, охраняющей побережье... На ломаном немецком поручик Северский потребовал от «японского капитана» немедленно спустить флаг и не пытаться взорвать корабль. Ему вторили простые пехотинцы на русском, в основном крившие «узкоглазых макак», азартно выпуская в застрявший в сотне метров от берега истребитель обойму за обоймой.

В ответ донесся усталый мат, объясняющий истинное положение дел. Но прибой заглушал крики с палубы, и пальба продолжалась еще пару минут. К счастью для моряков, перепуганные «высадкой японского десанта» солдаты стреляли из рук вон плохо. От их пуль пострадал только боцман миноносца, получивший ранение в руку, которой он пытался махать, объясняя, что он русский. Первое, что он сделал, добравшись до берега, это сломал кулаком здоровой руки скулу первому из подвернувшихся под нее солдатиков...

Тем временем, пока суматоха жаркой перестрелки «Новика» и «соколов» с японскими дестроерами отдалялась от Тигровки все дальше и дальше, подходящему к фарватеру в компании пары старых корветов и трех транспортов «Фусо» пришлось иметь дело только с «Манджуром» и неторопливо шествующей с внутреннего рейда «Дианой», на которой при снятии с якоря еще и заело шпиль...

«Манджур», обнаружив неспешно, на девяти узлах⁵, крадущийся к проходу транспорт противника, осветил того прожектором и немедленно покатился на пересечку. Но не успели еще его канониры навести на цель носовые восьмидюймовые орудия, как вокруг самого «Манджура» начали врываться неприятельские снаряды явно не противоминного калибра...

* * *

В принципе, если бы Порт-Артур имел единую систему обороны от угрозы с моря под единым командованием – после первого выстрела «Фусо» по «Решительному» русские бы поняли, что к фарватеру идет что-то, вооруженное шестидюймовками. Звук выстрела орудия среднего калибра перепутать с татаканием миноносных пукалок практически невозможно.

Но береговое и морское командование жили пока каждое в своем информационном вакууме, абсолютно независимо друг от друга, и своими планами не делились. Поэтому артиллеристы береговой обороны были уверены, что если в море постреливает что-нибудь шестидюймовое – это «Диана» или «Баян». В порту же залпы «Фусо» приняли за огонь береговой артиллерии по миноносцам противника. Традиционное русское разгильдяйство и ведомственная несогласованность усугублялись ночной темнотой и четкими действиями японцев по заранее отрепетированному сценарию...

Когда луч прожектора «Манджура» уперся в решительно направляющийся к фарватеру «Ариаке-Мару», на «Фусо» и следующих за ним корветах поняли, что дальше стесняться в средствах смысла нет. На канонерку обрушился град снарядов всех калибров, от тридцати семи миллиметров до шести дюймов. В ответ «Манджур» успел выпалить из его носовых восьмидюймовок всего пять раз.

Первый залп по пароходу лег с перелетом. Второй был направлен уже по частым вспышкам выстрелов в темноте. А на циркуляции во время отворота к берегу с «Манджура» выпустили из левой погонной пушки последний снаряд. К этому моменту для экипажа канонерки главной задачей стала борьба с затоплениями и пожаром: шестидюймовый «ответ» с «Фусо» поджег подшкиперскую со складированными в ней парусами.

Невероятно, но факт: один из выпущенных практически наугад восьмидюймовых снарядов попал в борт «Фусо». Однако при подготовке старого броненосца к последнему походу японцы творчески использовали опыт Руднева по бетонированию «Сунгари». Небольшой запас угля, необходимый для перехода к Порт-Артуру, был размещен в единственной угольной яме и непосредственно у котлов. Все остальные угольные ямы были залиты бетоном для того, чтобы усложнить жизнь русским водолазам при подъеме корабля.

Бетон спас «Фусо» от пробоин во время этого и пары других попаданий. Старая броня не выдержала попадание восьмидюймового фугасного снаряда, но когда треснувшая болванка протиснулась внутрь корабля, она с разгону впечаталась в стенку угольной ямы, подпертую изнутри десятками тонн застывшего бетона... Взрыватель сработал уже после того, как снаряд окончательно раскололся. Хотя с внутренней стороны бетонировки откололо большое количество осколков, а снаружи почти оторвало броневую плиту, такая комбинированная конструкция не допустила обширных затоплений, которые в противном случае были бы неизбежны. Небольшие же течи не могли остановить корабль, экипаж которого твердо решил умереть, но выполнить свой долг.

«Манджур» «словил» от «Фусо» и трех корветов в общей сложности шесть снарядов среднего калибра, что в который раз доказало преимущества скорострельной артиллерии.

⁵ Максимальный ход, при котором из труб пароходов не вырывались факелы, и предел того, что мог дать броненосец-брандер «Фусо».

Последнее, что успела сделать канонерка перед поворотом к берегу, это выпустить по «Ариаке-Мару» мину из носового аппарата, которую никто на транспорте даже не заметил.

Получив от трюмных доклады о повреждениях: пожаре, перебитом паропроводе и многочисленных течах, в том числе и в погребе восьмидюймовых снарядов, Кроун решил на всякий случай приткнуться к берегу, что «Манджур» вскоре и сделал. И слава богу, поскольку через десять минут после перестрелки с «Фусо» один за другим вышли из строя оба трюмных насоса. Рассвет канонерка встретила на мели с частично затопленным котельным и носовыми погребами. После ремонта помп и заводки пластырей буксиры утащили ее в док...

«Ариаке-Мару» от жертвенной судьбы не ушел – на Электрическом утесе включили прожектор, который немедленно навели на обнаруженный и подсвеченный «Манджуром» транспорт. Батарейцы к этому моменту уже осознали, что чуть было геройски не добились свой миноносец, и с удвоенным рвением стали засыпать транспорт снарядами, дабы загладить ошибку. Получив подряд пару попаданий, японский брандер сначала потерял ход, а потом вспыхнул ярким, чадающим костром от носа до кормы, освещая крадущиеся за ними в ночи корабли. Идея полить керосином бревна старых бонов и рисовую шелуху, которыми набили транспорт для обеспечения плавучести была не совсем удачна...

По первоначальному плану «Ариаке-Мару» лишь отвлекал на себя огонь береговых батарей. А также внимание дозорных кораблей, которые потом в упор расстреливались «Фусо». Если по выполнении этой миссии пароход каким-то чудом оставался на плаву, ему разрешалось выкинуться на берег под Ляотешаном. Но топиться в проходе было запрещено. Категорически. Все трюмы транспорта были набиты разным нетонущим мусором и старыми, отслужившими свой век гнилыми боновыми заграждениями. И задержись он на входном фарватере у Тигровки, вряд ли быстро утонул бы даже с открытыми кингстонами и крышками грузовых люков. Зато, потеряв управление, он запросто мог заблокировать дорогу главной звезде выступления – «Фусо».

Но... его командиру, лейтенанту Мидано, хотелось умереть во славу Японии красиво. И он решил: раз уж не судьба утопиться на фарватере, то при случае, если удастся незаметно проскользнуть в гавань, стоит попробовать протаранить первый же подвернувшийся русский корабль. А для пушного эффекта зажечь свой пароход перед этим. Брандер так брандер! Не взорвем врага с собой, так хоть панику учиним. Закупив на свои средства несколько бочек керосина, командир посвятил в свой план только ближайших друзей, поэтому командование не имело шансов разьяснить ему всю неуместность этой идеи...

Подожженная снарядом туша парохода освещала идущие за ней корветы не хуже, чем русские прожектора. Повезло только «Фусо». Следуя сразу за жертвенным транспортом, он успел, хоть и рискуя пропороть борт о затопленный неподалеку «Хайлар», взять чуть мористее до того, как «Ариаке-Мару» совсем потерял ход, но главное – до того, как огонь на трампе разгорелся всерьез. В момент обхода «Ариаке-Мару» на броненосце шальным снарядом с берега снесло единственную трубу. Резкое падение скорости привело к тому, что «Конго», идущий менее чем в кабельтове за кормой последнего буксируемого «Фусо» катера, поочередно раздавил свои форштевень все три «билета на спасение» экипажа броненосца...

Беда не приходит одна – тяга в котлах упала моментально, а давление пара и скорость через минуту. На «Конго», заметив, наконец, опасность столкновения, отвернули в сторону берега. Он получил попадание в клюз и теперь тащил за собой по дну моря правый якорь, перепахивая морской песок и постепенно замедляя ход.

Скрепя сердце и скрипя зубами, командир «Фусо» отдал приказ послать на помощь кочегарам подносчиков снарядов от орудий. Эта вынужденная мера – сокращенная смена кочегаров физически не могла без трубы поддерживать давление пара для продвижения на скорости более четырех узлов, – как ни странно, спасла всю операцию.

Если корветы азартно отвечали на огонь с берега изо всех стволов, то «Фусо» вынужден был временно прекратить огонь. Через пять минут тихого, неспешного движения под завывание пронсящих высоко над палубой снарядов и бомб Окуномия с удивлением понял, что весь огонь русских сосредоточен на отставших корветах. Теперь он уже сознательно приказал не открывать огня до тех пор, пока русские не прекратят «игнорировать» ползущий к входу на фарватер броненосец.

У артиллеристов и прожектористов утеса и Золотой горы было занятие поинтереснее, чем выискивание в темноте нестреляющей мишени. Их орудия радостно рвали на куски подставившиеся корветы, которые упорно отстреливались из своих допотопных пушек... Причем отстреливались не всегда безобидно – один удачно пущенный кем-то из корветов снаряд погасил береговой прожектор со всей обслугой, а второй разорвался на территории «подшефного» хозяйства на Электрическом утесе, вызвав жертвы среди кур и свиней.

Потеряв в темноте головной корабль, на котором был единственный опытный штурман, знающий подходы к Порт-Артуру как свои пять пальцев, остальные брандеры японского отряда стали расползаться кто куда. Два корабля попытались прорваться к гавани под берегом, но один наскочил на мину, а второй налетел на затопленный ранее пароход. Остальные были в конце концов добиты береговой артиллерией, в зону действия которой эти тихоходные пароходы зашли слишком далеко, что и предрешило их судьбу.

Тем временем, оставив за кормой весь этот шум и гвалт, японский броненосец-камикадзе добрался наконец до начала входного фарватера у Тигровки.

* * *

Навстречу «Фусо» по проходу нетопливо и величественно, как и полагается богине, шествовала «Диана». Задержка крейсера с выходом из-за заевшего шпиля усугубилась решением командира корабля капитана первого ранга Залесского не расклепывать якорную цепь, а устранить задержку.

На недоуменный вопрос старшего офицера Семенова «а как же срочность выхода по тревоге?» тот, невозмутимо потягиваясь, пробурчал, что «нам вообще можно было бы не выходить, миноносцев „Новик” и сам погоняет, как всегда, а для чего крупнее есть утес и Золотая гора. Нам сегодня ночью в море делать нечего, каждую ночь по два крейсера в дозоре – вообще блажь адмирала».

Заметив впереди в темноте медленно идущий по фарватеру небольшой корабль, командир «Дианы» совершил вторую, главную и непоправимую ошибку – он принял его за поврежденного «Манджура», возвращающегося в гавань. Не запросив позывной, он сразу приказал дать задний ход и принять вправо, чтобы «пропустить бедолагу». Залесский отдал приказ об обстреле «Фусо» только после того, как по тому открыла наконец огонь батарея Золотой горы. Но попасть даже по медленно плетущемуся в ночи броненосцу из мортир никак не удавалось.

Пара снарядов из шестидюймовок «Дианы» бессильно раскололись о бронированный борт японца. Еще через две минуты с «богини», наконец открывшей прожектора, увидели, что пришелец медленно разворачивается поперек фарватера в самом узком месте и на нем отдают якоря. У Залесского хватило ума задробить стрельбу, чтобы не топить брандер на фарватере, но что делать дальше, он придумать уже не смог – времени на посылку десантной партии и заведения буксира явно не было.

С японца доносились приглушенные взрывы – видимо, подрывали кингстоны и двери водонепроницаемых переборок. На «Диане» ожидали, что он в любой момент может взлететь на воздух. Но этого так и не случилось. Причиной, по которой на «Фусо» не взорвали погреба, было почти полное отсутствие в них боезапаса. Того решил не рисковать возможностью случайного преждевременного подрыва от попадания русского снаряда.

* * *

Когда разводя изрядную волну на максимальных для него одиннадцати узлах мимо застопорившего крейсера с воем сирены прокатился портовый буксир «Силач», на мостике «Дианы» наступила гробовая тишина. Похоже, там никто просто не мог понять, куда и с какого рожна понесло эту посудину. И ее сбрендившего командира.

Командовал «Силачем» лейтенант Балк 2-й, старший двоюродный брат недавно ставшего лейтенантом Балка 3-го с «Варяга»...

Давно известно, что хорошие офицеры всех армий мира делятся в основном на две группы: офицеры бывают идеальные для мирного времени и для войны. Причем переходы из группы в группу практически невозможны. Во времена долгого мира офицеры военного времени чахнут и хиреют. Их затирают по службе чистенькие, умеющие тянуть носок, навести лоск в казарме и бодренько отрапортовать офицеры мирного времени. Их не любит начальство за излишнюю независимость и хулиганистость. Поэтому их поголовье неумолимо сокращается, несколько поддерживаясь только за счет притока недоигравших в детстве в войну мальчишек-романтиков.

Зато когда начинается серьезная, большая война, естественный отбор начинает идти совсем по другим критериям. Неожиданно выясняется, что блестящий капитан или ротмистр может блистать только на паркете бального зала или светском рауте, а под огнем теряет не только блеск и шик, но и голову. Тем временем перед лицом вполне реального врага, а не достоящего по мелочам начальства, задерганный выговорами за пьянство и хулиганские выходки лейтенант может неожиданно пустить свою неумную, бьющую через край на горе начальникам энергию в нужное русло.

К чему это все написано? Просто лейтенант Сергей Захарович Балк 2-й, третий год «временно» командующий буксиром «Силач», которого по цензу и выслуге еще более полугода назад должны были произвести в капитаны второго ранга, был не просто идеальным офицером военного времени, он был уникалом. На «Силач» его «задвинули», буквально убрав с глаз долой Алексеева, в надежде, что на медленном буксире он наконец остепенится.

Куда там! Вместо этого он внушил команде, что «экипаж военного буксира „Силач” должен фактически соответствовать названию корабля», и менее чем через год команда в охотку, под руководством и при активнейшем личном участии командира, жонглировала каждое утро пудовыми гириями. На верхней палубе буксира всегда были в наличии не только гири, но и штанги, тяжеленные цепи и прочие снаряды бодибилдеров начала прошлого века.

Вскоре «силачи» дожонглировалась до того, что в кабаках Порт-Артура появилась новая традиция – на тех, кто с «Силача», меньше чем втроем на одного не нападать. А еще через полгода перестали задирать вообще, потому что обидчиков «силачи» находили всегда, а их командир никогда не выдавал членов команды для наказания, назависимо от того, что те натворили в городе.

Подобно легендарному поручику Ржевскому, о нем слагали анекдоты, причем почти все они имели под собой реальную подоплеку. Он спасал утопающих, тиранил чиновников всех мастей и рангов, а иногда даже «купал» наиболее зарвавшихся прямо в гавани, перебрасывая через борт на радость команде.

Но если надо было послать куда-либо невооруженный корабль, Балк всегда был тут как тут. Его буксир всегда и всюду попевал, не раз попадая в переделки. В другой, в нашей истории, перед сдачей крепости он прорвался из заблокированного Порт-Артура на *катере*, тогда, когда полноценные боевые корабли предпочли не рисковать и самозатопиться. Перед этим он, в нарушение прямого приказа коменданта крепости, взорвал свой пароходик, чтобы тот не достался японцам.

Он получил за геройство два ордена, что для командира *буксира* – беспрецедентно... Но увы. После войны он так и не вписался в стремительно «механизирующийся» флот, постоянно конфликтовал с любым начальством по любому поводу, скучал, хандрил, много пил. И в конце концов, не найдя себя в мирной жизни, переведенный за очередное свое художество, которому, кстати говоря, умудрились даже пришить политический подкрас, с отряда миноносцев на должность командира транспорта «Рига», Сергей Захарович морально сломался. Не смог перенести очередное унижение и застрелился...⁶

Но сейчас этот жизнерадостный, бородатый хулиган, вечное бельмо на глазу начальства, любимец команды и всех молодых бесшабашных офицеров, несся полным ходом навстречу японскому брандеру и своей судьбе.

* * *

По случаю начавшейся войны буксир был штатно вооружен парой 37-миллиметровых пушечек, а по случаю предприимчивости командира на него поставили еще и пару старых картечиц Гатлинга. Как поговарили на флоте, их Балк то ли выиграл в карты, то ли просто украл у кого-то из миноносников. Впрочем, экипаж миноносца и сам снял их с наскочившего на мель при первой попытке заблокировать проход на рейд японского брандера.

Вообще-то по сигналу тревоги буксиру сниматься с якоря было не обязательно, даже если он и стоял под парами рядом с выходом. А снявшись, разумно было бы отходить в глубину гавани, а не пробираться по мелководью к открытому морю, потому что гонять по рейду японцев – не его дело. Для этого в составе эскадры было достаточно боевых кораблей. Но Балку не сиделось в гавани. Для себя он придумал оправдание – если какой-то из русских кораблей потеряет ход, он сможет быстрее отбуксировать его в порт. Эта отговорка уже пару раз выручала его при разборах «неподобающего» поведения буксира во время ночных схваток на рейде.

Наконец, когда утром третьего марта Балк сумел притащить в гавань после ночного боя подорванный японской миной и лишившийся хода «Властный», вытащив его буквально из-под носа собиравшихся добить неподвижную мишень японских миноносцев, он получил благодарность от адмирала Макарова, представление к Станиславу, а главное – разрешение находиться при атаках там, где сочтет нужным. При условии, что его буксир не будет путаться под ногами боевых кораблей.

Сейчас «Силач», не «путаясь под ногами» у нерешительно замершей «Дианы», с которой пытались спустить паровой катер, а обойдя крейсер по дуге, шел прямо на «Фусо». Его капитан на мостике громко кричал:

– Держись крепче, ребята! Приготовиться к столкновению!

Балк, жадно читавший все доходившие до Порт-Артура газетные статьи о подвиге «Варяга» и «Корейца», прекрасно помнил детские игры со своим двоюродным братом, в которых он, более старший и крупный, всегда выходил победителем. Теперь и у него появилась тень шанса совершить что-то, хоть немного похожее на подвиги его удачливого кузена, и уж он-то ее точно не упустит.

⁶ Реальная характеристика на Балка 2-го: «Капитан второго ранга С. З. Балк представляет собой исчезающий тип флотского офицера-парусника, образованность его не идет далее чисто морской специальности. Поддаваясь алкоголизму в мирное время, капитан второго ранга Балк во многих случаях является элементом для службы нежелательным, но его решительность и беззаветная храбрость, проявленные на войне, его безукоризненно честная и симпатичная натура дают право на снисходительное отношение к его недостатку. Любимый подчиненными, в военное время капитан 2-го ранга Балк сделает из них героев, а в мирное – заставит с охотой выполнить всякое тяжелое дело, всякую экстренную работу, удивляя окружающих быстротой ее исполнения. Жизнь его неразрывно связана с кораблем, на котором он плавает, береговых привязанностей у него нет; как командир, он известен во флоте по лихости управления своим кораблем и заботой о его штатном и нештатном снабжении и устройстве. Капитана 2-го ранга Сергея Захаровича Балка надо беречь для военного времени».

Впрочем, кроме жажды подвигов непоседливым лейтенантом двигал элементарный здравый смысл. Если брандер, в котором он, к своему удивлению, в свете прожектора опознал старый японский броненосец, затонет там, где сейчас становится на якоря, из гавани смогут выходить только миноносцы. Сам три года шныряющий по фарватеру туда-сюда почти каждый день, Балк прекрасно понимал, что японец выбрал для затопления идеальное место. Он даже успел с усмешкой подумать, что именно там потопился бы и сам, реши он насолить занудствующему начальству типа Старка, Гreve или Ухтомского по-крупному.

На «Фусо» поначалу отстреливались от «Дианы», но, разглядев несущийся на все парах с включенной сиреной портовый пароходик, перенесли огонь на него. Однако к этому моменту на старом броненосце в строю остались только одна шестидюймовка и пара орудий калибром поменьше. В планширь буксира попал шестидюймовый снаряд, изрешетивший рубку и мостик. Мелкий осколок пробил дерево рубки и завяз в мощной грудной мышце капитана, упершись в ребро. Смерть не достала до сердца лейтенанта всего-то какой-то дюйм. Рулевому повезло меньше – осколок, влетев в иллюминатор рубки, попал ему в лоб, а еще пяток вошли в тело. Он умер практически мгновенно...

Когда «Силач» приблизился на три кабельтова, в «Фусо» наконец-то попал первый одиннадцатидюймовый снаряд с Золотой горы. По стоящей мишени вечно мазать не могли даже не слишком точные мортиры. Сразу после этого в телефонной трубке на командный пункт батареи⁷ раздался зычный голос адмирала, который потребовал прекратить огонь по стоящему на фарватере кораблю.

После впечатляющего взрыва на палубе огонь с «Фусо» прекратился на минуту, которой хватило Балку на то, чтобы снять со штурвала тело рулевого и взяться за рукоятки самому. Ювелирно отработав за кабельтов до борта брандера «полный назад», он снизил скорость с одиннадцати до пяти узлов. Поэтому энергия удара была потрачена не на проламывание бронированного борта «Фусо», а на его разворот вдоль фарватера. На какое-то время наступило шаткое равновесие – «Силач» пытался развернуть стоящий поперек фарватера брандеро-броненосец, кормовой якорь «Фусо», вцепившись в дно, с истинно самурайским упорством пытался не дать ему этого сделать.

На мостике «Фусо» Окуномия мрачно наблюдал за усилиями русского буксира, который был уже на волосок от того, чтобы пустить все жертвы, принесенные в этот день, к восточным демонам. Что еще он мог сделать при условии, что почти все орудия выведены из строя и только пара 47-миллиметровок все еще пытается достать навалившийся на борт буксир, который вообще-то давно в мертвой зоне? Только повести всех, кто еще был на ногах, в последнюю атаку и попытаться, пробившись в рубку, отвести буксир от борта его тонущего корабля, который уже осел на пару футов. А может, даже удастся утопить этот чертов пароход прямо у борта «Фусо», тогда уж точно фарватером еще долго не смогут воспользоваться крупные корабли!

Над палубой броненосца пронесся последний приказ командира:

– Команде вооружиться всем, чем можно! За императора и Японию, на абордаж!!!

Рулевой матрос, который, схватив с переборки пожарный багор, кинулся было в схватку, был послан в машинное отделение с тем, чтобы донести приказ об атаке до низов броненосца, где сейчас была сосредоточена большая часть команды.

Первой волне атакующих не повезло – их встретила уцелевшая картечница Гатлинга, из которой азартно и метко палил прапорщик Шукин. На борт «Силача» успели перепрыгнуть только десять палубных матросов из трех десятков, кинувшихся в атаку. Пятнадцать человек были выведены из строя в момент рывка, остальные попрятались от ливня свинца за кнехтами и раструбами вентиляторов.

⁷ Одно из нововведений, которые Макаров почерпнул в папке с предложениями Руднева, переданной ему лекарем с «Варяга».

Окуномия резонно решил дожидаться второй волны из кочегарок, погребов и машинного отделения и приказал уцелевшим матросам затаиться и ждать. Столь удачно отстрелявшаяся картечница была снесена за борт внезапно ожившей 75-миллиметровой пушкой, вместе с перезаряжавшим ее расчетом. К счастью, второй выстрел трехдюймовка сделать уже не успела – на «Диане» наконец проснулись и всадили в место, откуда раздался выстрел, три сегментных снаряда. Промазать с четырех кабельтовых не смогли даже артиллеристы крейсера, носившего гордое прозвище «сонной богини».

– Илья, подкинь-ка мне с палубы гриф от штанги. От той, что побольше, и быстро, – прокричал Балк вестовому.

– А зачем он вам, ваше благородие? – оторопело спросил матрос, притаив к рубке полутораметровую стальную палку.

– Так у нас на борту из оружия только пара револьверов и пяток винтовок, – усмехнулся Балк с лихим прищуром, наскоро промокая рану на груди салфеткой, – а макаки сейчас снова полезут. Да, кстати, о револьвере. На, держи!

– А как же вы сами-то? Не ровен ведь час...

– Не дрефь! Иди воюй, давай. А я и без него обойдусь. Это ты у нас на борту меньше месяца, сопля худородная. А те, кто с нами хоть полгода отходил, им эти пукалки ни к чему. Да и у японцев их не густо будет, я думаю. Но сперва рви в машину, предупреди духов, чтобы вооружались чем найдут да готовились отбиваться – косоглазых раза в три больше будет, могут и до них добраться.

Через три минуты на палубу «Силача» ринулась толпа кочегаров из низов броненосца. Ее прилив был частично остановлен пулеметным огнем с фор-марса приблизившейся «Дианы», но часть нападавших все-таки смогла под руководством размахивающих мечами офицеров перебраться на «Силач». Пулемет захлебнулся, подавившись первой же очередью – металлические ленты для пулеметов еще не вошли в обиход, а холщовые постоянно давали перекосы...

И во второй раз за эту войну на палубе корабля закипела жаркая абордажная схватка. И опять во главе русской стороны стоял офицер по фамилии Балк... Тенденция? Или уже традиция?..

Долгого боя не получилась – команда «Силача» доказала, что последний год не зря была грозой ночного Порт-Артура – японцев вымели с буксира, как мусор метлой. В схватке на ломах и цепях преимущество в силе явно было на стороне русских. На носу буксира боцман Хотько с разбойничьим посвистом крутил вокруг себя двухметровой стальной цепью, раз за разом снося за борт пытающихся перепрыгнуть через фальшборт японцев. Он продержался три минуты, пока кочегар с «Фусо» в прыжке не уволок его за борт. Впрочем, в отличие от японца, Хотько выплыл.

К этому моменту цепь японского якоря не выдержала напора русской паровой машины и лопнула. «Силач» успел-таки развернуть брандер вдоль фарватера до того, как под днищем старого броненосца заскрежетали камни и он, медленно заваливаясь на правый борт, башмаками обломанных выстрелов сетевого заграждения распорол обшивку в носу парохода. Поняв, что дальнейшее «пихание» с севшим на грунт японцем бессмысленно, Балк еле успел при-ткнуть свой стремительно набирающий воду буксир носом к берегу.

По ходу дела до его мостика добежали-таки пятеро японцев. Первый рванул на себя дверь, которая, к его удивлению, оказалась не заперта, и был снесен с трапа ударом грифа. После этого из рубки к подножию трапа спрыгнул командир корабля, заклинивший штурвал и полный решимости не подпустить к нему никого. Он один сдерживал четверых японцев с полминуты, пока на них с тыла не кинулись кочегары, вылезшие из низов «Силача» во главе с палящим из командирского револьвера вестовым. С их помощью палуба буксира была очищена от неприятеля в течение пары минут...

Увы, утром стало ясно, что замысел японского командующего скорее удался, чем нет – фарватер был заблокирован наполовину. Из Порт-Артура теперь могли выходить только бронепалубные крейсера и миноносцы, для броненосцев проход был закрыт наглухо. Япония вновь господствовала в море.

**Из воспоминаний капитана третьего ранга Хироиси Като,
штурмана броненосца береговой обороны императорского флота Японии
«Фусо»**

«Морской сборник», 1907 г., № 2

Тот день был необычен. Нашему кораблю выпала великая честь, на борт взошел сам главнокомандующий флотом империи адмирал Того. Он произнес перед всей командой вдохновенную речь о предстоящей нашему старому кораблю чести участвовать в операции, которая должна наконец переломить эту начавшуюся так неудачно войну в нашу пользу. Сам Божественный Тенно (*один из титулов императора Японии. – Здесь и далее примечания редактора перевода вынесены в скобки и выделены курсивом*) просит у нас жертвы во имя Японии. Мы должны своими телами и корпусом своего корабля заблокировать русским выход из по праву пролитой крови принадлежащего Японии Порт-Артура.

Это позволит, наконец, запереть русского медведя в своей берлоге, где он трусливо отсиживается, и высадить у Порт-Артура армию, чтобы доблестные сыны Ямато (*одно из названий Японии*) опять взяли крепость. Адмирал не скрывал, что спастись с броненосца, затопляемого на фарватере вражеской гавани, почти невозможно, хотя тот и будет вести на буксире три паровых катера для эвакуации экипажа. У команды во время вдохновенной речи главнокомандующего на глазах стояли слезы, все были готовы умереть ради победы. И когда было предложено неготовым идти на верную гибель сойти на берег, таковых не оказалось.

Затем адмирал сам зачитал список членов экипажа, которые должны будут повести броненосец в его последний боевой поход. И хотя мы понимали, что для последнего боя нашего дедушки «Фусо» нет нужды в полной его команде, все не вошедшие в список почувствовали себя глубоко оскорбленными. Особенно переживал наш доблестный командир капитан второго ранга М. Окуномия. Его лишили чести вести свой корабль в последний бой, и хотя разумом он понимал, что главнокомандующий прав, но сердце его было полно печали. Вынув свой меч из ножен, он протянул его адмиралу и потребовал немедленно отрубить ему голову, дабы избежать позора бегства с поля боя, ложащегося на его род. Адмирал понял его чувства и разрешил остаться на корабле.

Я не был сначала включен в список. Но, принимая участие в разработке плана атаки, убедил адмирала, что без опытного штурмана (я хорошо знал Порт-Артур, до войны не раз был там и даже входил в гавань без лоцмана) очень сложно определить место затопления корабля ночью при погашенных навигационных огнях, тоже был оставлен на борту.

Началась подготовка корабля к последнему бою. Безжалостно было выломано и удалено все дерево и вообще все, что могло гореть. Были срублены мачты, корпус перекрашен в черный цвет, рассчитан запас угля от островов Эллиота до Порт-Артура. Пустые угольные ямы были залиты бетоном (*для придания дополнительной защиты и затруднения подъема*). Бетоном были залиты и помещения команды, отсеки подводных торпедных аппаратов и часть междудонного пространства.

Для нейтрализации сторожевых кораблей противника, сорвавших первую операцию брандеров, дополнительно были установлены два старых 6-дюймовых орудия Круппа и четыре 120-миллиметровые скорострелки Армстронга (*120-миллиметровые орудия впоследствии были сняты русскими и установлены на вспомогательный крейсер «Ангара»*). Трюмы двух транспортов, «Чийо-Мару» и «Фукуи-Мару», были засыпаны щебнем и залиты бетоном, кроме того, были заложены подрывные патроны для быстрого их затопления. Специально были выве-

дены из строя якорные шпили, чтобы русские уже не смогли поднять якорь, если успеют захватить корабль до того, как он ляжет на грунт. Транспорт же «Ариаке-Мару» был загружен бревнами и рисовой шелухой, ему была назначена особая роль, роль приманки-прорывателя.

План операции в основном был разработан нашим доблестным командиром Окуномией, и, как показали дальнейшие события, этот план был безупречен. Операция должна была быть проведена в ночь со 2 на 3 мая. Эта ночь была почти безлунная, что позволяло нам незамеченными добраться почти до цели. У Порт-Артура луна заходила в 17:10, а всходила лишь в 03:42, темнело в 21:15, а начинало светать в 07:05. (*Здесь и далее – токийское время: +1 ч. 12 мин. к времени Порт-Артура. Японский флот всегда жил по токийскому времени, где бы ни находились его корабли.*)

Мы знали, что русские выставили много мин на внешнем рейде Порт-Артура, но, к сожалению, не знали точного расположения заграждений, поэтому первым в колонне шел непотопляемый (*загруженный деревом*) транспорт «Ариаке-Мару», который проложил бы путь среди мин нашему отряду. Кроме того, он, как первый в колонне, должен был принять на себя первый удар русских. Затем, по прохождении минных полей, команда транспорта должна была попытаться таранить какой-нибудь крупный корабль наших врагов, отвлекая тем самым их внимание от остального отряда, выполняющего главную задачу – затопиться на фарватере.

Мы должны были подойти к Порт-Артуру в 22:30 – к наивысшей точке прилива, составлявшей почти 2 метра. Во-первых, это позволяло нашим дестроерам безбоязненно проходить над русскими минами. Во-вторых, снижало риск подрыва наших глубоко сидящих брандеров, исключало влияние приливно-отливных течений, которые на внешнем рейде достигают полутора узлов, что чувствительно для нашего десятиузлового отряда, и, наконец, уменьшало вероятность сесть на мель при подходе к фарватеру. К этому времени офицеры разведки должны были поджечь в городе и крепости несколько строений, что позволит нашим штурманам выйти к входному фарватеру и обойти затопленные русскими пароходы.

Все эти положения блестяще подтвердились на практике. По опыту первой неудачной попытки заградить выход из русской базы, мы знали, что русские освещают прожекторами цель и атакуют ее. В том числе торпедами миноносцев, что было весьма опасно для наших тяжело нагруженных кораблей. Поэтому отряду были приданы два отряда истребителей, по четыре дестроера в каждом, с задачей отвлечь на себя русские дежурные силы и как можно дальше оттянуть их в море. Это отлично сработало на практике.

В ночь с 11 на 12 апреля офицеры отряда и командиры дестроеров на миноносце провели последнюю рекогносцировку внешнего рейда Порт-Артура и, к счастью, остались незамеченными русскими. В этой боевой операции боги помогали нам, ночь была тихая и безоблачная, звезды ярко светили, позволяя отлично ориентироваться по ним. Мы шли десятиузловым ходом курсом на север, чтобы быстрее и без лишнего маневрирования попасть в створ фарватера (*вход во внутреннюю гавань расположен практически точно с юга на север*). Также нам удалось своевременно обнаружить ориентир – скалу Лютин-рок, – теперь оставалось идти по прямой к славной гибели!

И тут началось! «Ариаке-Мару» был освещен прожектором миноносца и обстрелян им («*Решительный*»), в том числе самодвижущимися минами Уайтхеда. Обе попали в транспорт, но из-за своего плавучего груза он лишь немного осел в воде и чуть снизил скорость (*на самом деле «Решительный» так и не сумел сблизиться на торпедный выстрел, транспорт, по-видимому, подорвался на первой и третьей линиях мин крепостного заграждения*).

Наш «Фусо», в свою очередь, а также «Конго» и «Хией», открыли ураганный огонь по русскому миноносцу. По-видимому, наши снаряды нанесли ему смертельные повреждения, так как он резко ослабил огонь, снизил скорость, потушил прожектор и окутался паром. Оглашая весь рейд ревом сирены, по-видимому, из-за ее повреждения, он повернул к берегу и вскоре скрылся из вида. (*На самом деле на «Решительном» были повреждены паропроводы,*

он почти потерял ход и обесточился, поэтому и погас прожектор. Командир принял решение на остатках пара уходить к берегу и там во избежание затопления выброситься на мель. Сирена использовалась для привлечения внимания береговых батарей к прорыву брандеров.) Внезапно рев сирены прекратился, видимо, миноносец затонул (просто стравил пар).

Наши дестроеры выскочили из-за корпуса «Фусо», где они притаились, чтобы добить наглого противника, но в это время были освещены прожекторами еще трех-четырех русских миноносцев и вступили с ними в перестрелку, уводя полным ходом их от нашего отряда – и русские клюнули на приманку! Они не поняли, где главная угроза для них, и увязались в погоню за нашими дестроерами, которым ничем серьезным это не грозило. Наши истребители были сильнее русских по артиллерии, быстрее, а экипажи опытнее и храбрее. Кроме того, нас было больше (в условиях плохой видимости японцы сначала приняли «Новик» за миноносец, что было для них фатальным, русские истребители уже были довооружены кормовой 75-миллиметровой пушкой и в артиллерийском отношении не уступали японцам, кратковременно русские истребители могли развивать скорость, не уступающую японцам; сравнивать же храбрость экипажей вообще бессмысленно – и с той, и с другой стороны было явлено немало примеров беспримерной отваги и самопожертвования).

Примерно в это же время включился мощный прожектор Электрического утеса, заливая все своим светом и слепя наших комендоров. Но русские опять, как они выражаются, наступили на те же грабли: батарея Электрического утеса (батарея № 15, пять 10-дюймовых орудий и два 57-миллиметровых пристрелочных Норденфельда) открыла огонь по головному непотопляемому «Ариаке-Мару», стреляя, по-видимому, бронебойными снарядами, так как взрывов не было видно (первые 4 залпа были действительно сделаны бронебойными снарядами, после чего батарея перешла на стрельбу фугасными снарядами).

С левого борта появился русский миноносец, выходящий в атаку, но метким огнем мы его быстро подбили, и он стал тонуть, так как выпустил три красные ракеты, видимо, сигнал бедствия. К сожалению, этот сигнал совпадал с нашим, означавшим успешное выполнение задания, но это значило, что нам не было другого выхода, кроме как любой ценой загородить проход, иначе мы все лишимся чести, введя, таким образом, в заблуждение наш флот. (Это был все тот же истребитель «Решительный», медленно двигавшийся к берегу, в этой фазе боя он не получил ни одного попадания, красные ракеты пускал за неимением других на борту, чтобы привлечь внимание к своему сообщению о японских крейсерах, передаваемому морзянкой только при помощи маломощного масляного фонаря, из-за выхода из строя сигнального прожектора.)

Наш отряд вел огонь на оба борта: с левого – по удаляющимся русским, с правого – по батареям Электрического утеса. К сожалению, заставить прожектор потухнуть мы сразу не смогли, но зато подавили батарею! Электрический утес временно замолчал. (Закончились снаряды, сложенные у орудий для первых выстрелов, когда были поданы снаряды из погребов, батарея продолжила огонь.)

Прямо по курсу, чуть левее, открылся еще один прожектор – это русская канонерка («Манджур») открыла (опять по «Ариаке-Мару»!) огонь из своих допотопных пушек. Наши скорострелки быстро превратили ее в пылающий остов, и она отвернула влево, спасаясь у береговых батарей, успев, правда, всадить нам в борт 8-дюймовый снаряд. Но железобетонная защита показала себя отменно – пробития не было, и это почти в упор! Из всех попавших в броню «Фусо» снарядов ни один не пробил ее. Неожиданно пламя погасло, и канонерка исчезла, видимо, затонула. (На «Манджуре» потушили пожар и приткнулись к берегу у батареи № 9, так как имели две подводные пробоины, утром завели пластыри и своим ходом, но при помощи рейдовых буксиров, ушли в док. За бой «Манджур» выпустил пять 8-дюймовых снарядов, тринадцать 6-дюймовых, восемнадцать 107-миллиметровых и одну мину Уайтхеда.)

Пока все шло по плану, однако случайности предусмотреть нельзя. Электрический утес все-таки ухитрился поджечь «Ариаке-Мару» (*и не удивительно, ведь его деревянный груз был предварительно полит керосином, но, скорее всего, это стало следствием попаданий с «Манджура»*) и повредить ему руль. Горящий пароход, освещая все вокруг, стал описывать циркуляцию вправо, нам пришлось принять левее, чтоб избежать столкновения, за нами начали поворачивать остальные корабли отряда, строй несколько смешался, концевой «Фукуи-Мару» при этом, видимо, коснулся мины и потерял ход, довольно быстро погружаясь, но на него никто не обращал внимания.

Когда «Фусо» створился с «Ариаке-Мару», в нас попал единственный 10-дюймовый снаряд (*перелетом, целились в транспорт*). Снаряд попал в дымовую трубу и, не разорваршись, снес ее за борт вместе с вентиляционным дефлектором. «Фусо» стал резко терять ход, из кочегарок повалил дым, практически все кочегары им отравились. Неприятным последствием этого было то, что шедший за нами «Конго» не успел отвернуть и навалил нам на корму. Ничего существенного не повредив ни нам, ни себе, он своим корпусом раздавил паровые катера, буксируемые за «Фусо» для снятия экипажа. Но отсутствие этого пути к спасению только вдохновило экипаж биться до конца. Чем больше потери, тем слаще победа! Наш доблестный командир был контужен, однако он быстро разобрался в обстановке и отдал приказ – подносчикам снарядов спуститься в кочегарки и поддерживать ход.

Так как во избежание взрывов и пожаров мы не скапливали запас снарядов у орудий, а экипаж был сокращен до минимума, то ушедших в кочегарки подносчиков заменить было нечем, «Фусо» прекратил огонь. Но это было к лучшему. Отсутствие вспышек от выстрелов и черный дым, валяющийся из того места, где раньше была дымовая труба, сделали нас почти невидимыми! Из-за этой неразберихи строй нарушился, ход «Фусо» упал до четырех узлов. За нами продолжали идти в кильватер только корветы, но мы упорно двигались к цели, и русские упустили нас из виду!

Транспорт «Чийо-Мару» взял левее, видимо, рассчитывая выйти на фарватер вдоль Тигрового полуострова. К сожалению, он наткнулся на подводную скалу, получил пробоину (*скалой был затопленый накануне по приказу адмирала Макарова для затруднения действий брандеров пароход «Харбин»*) и был вынужден включить прожектор, чтобы разобраться в обстановке. Этим привлек к себе внимание береговых батарей, после чего у тяжело груженного «Чийо-Мару» не было шансов (*затонул рядом с «Харбином»*).

Внезапно луч прожектора Электрического утеса осветил «Конго». Батарея открыла по нему огонь, сразу же добившись попаданий. Корвет потерял ход, а затем начал тонуть (*после первого попадания в «Конго» у него самопроизвольно отдался якорь, корвет потерял ход – мощности не хватило волочить по дну якорь, поднять его не могли, а расклепать цепь не успели. При приближении русских истребителей во избежание захвата в плен он затопился*).

Мы тем временем миновали Электрический утес, но по нам открыла огонь батарея Золотой горы (*11-дюймовые мортиры, батарея № 13*). Поднялся вой, подобный завыванию тысячи демонов. Этот звук мешал сосредоточиться и вызывал дрожь в коленях. Зрелище медленно летящей 11-дюймовой бомбы на фоне звездного неба столь величественно, что даже захотелось отстраниться от всего и написать хайку (*сомнительно, что безлунной ночью можно визуально наблюдать полет мортирного снаряда, оставим последнее на совести автора*). Однако я пересилил себя и продолжил вычисление нашего положения, чтобы вовремя дать команду к отдаче якоря и затоплению.

Русские в очередной раз подтвердили, что стреляют плохо, они не брали упреждение на наш ход, и бомбы падали в кильватер «Фусо». К сожалению, случайная бомба попала в палубу спардека шедшего прямо за нами «Хией». Все было кончено за несколько минут. Он окутался клубами дыма и пара, потерял управление, быстро кренясь, склонился влево и, подорвавшись на mine заграждения, стремительно затонул с дифферентом на корму.

Только один наш старый верный «Фусо», олицетворяя собой самый дух нашей страны, продолжал неуклонно двигаться к цели. (*Фусо – одно из поэтических названий Японии.*) Впереди стоял русский трехтрубный крейсер («Диана»). Он осыпал нас снарядами, вывел из строя многих на верхней палубе, но так и не смог пробить нашу бортовую броню, усиленную бетоном. Правда, от сотрясений при взрывах открылась течь в старом корпусе, но это было уже не важно.

Произведя последний раз триангуляцию, я поклонился нашему доблестному командиру и сказал: «Пора». Мы отдали якорь, машинами развернулись поперек фарватера, стравили пар из котлов и подорвали кингстоны. Дело было сделано. Теперь осталось умереть достойно! (*Като-сан подтвердил свою квалификацию одного из лучших штурманов японского флота, место затопления было выбрано им на редкость удачно.*)

Но теперь этот чертов прилив нам мешал! Корабль погружался слишком медленно и никак не ложился на дно. В это время неожиданно появился большой русский буксир. Он с разгона ударил нас носом. (*Это был портовый буксир «Силач», который стоял у прохода на внешний рейд с одним работающим котлом. Утром планировалось отправить его с водолазной баржей к месту гибели «Боярина» с целью съема 120-миллиметровых орудий с боезапасом и других ценных вещей. Как только началась стрельба, «Силач», по решению своего командира Сергея Захаровича Балка, развел пары и вышел под берегом вдоль Тигрового полуострова в проход, чтобы при надобности оказать помощь нашим поврежденным кораблям. Увидев вражеский корабль на фарватере, командир «Силача» принял единственно верное решение – пожертвовать буксиром, но предотвратить закупоривание канала. После столкновения с «Фусо» поврежденный «Силач» начал принимать воду в носовые отсеки. Спасло его то, что он имел усиленную носовую часть, будучи по совместительству портовым ледоколом. Став на отмель, после заведения пластыря он ушел в док на ремонт.*) Затем наглый пароходик уперся нам в корму и начал разворачивать вдоль фарватера, одновременно выталкивая к кромке канала. Ему мешал только наш якорь.

Нужно было что-то предпринимать. И наш отважный командир приказал взять буксир на abordаж. Но было поздно. Лунноликая Аматерасу Оми-ками отвернулась от нас. Чертов русский крейсер уже подошел к нам на три кабельтова и застопорил ход. Как только наша abordажная команда (все, кто еще оставался в живых) появилась на верхней палубе, с марса крейсера нас смели пулеметным огнем. Я был тяжело ранен и потерял сознание.

Очнулся я уже в русском госпитале, где был искренне удивлен человеческим отношением к нам, врагам. Здесь также лечились и раненые русские моряки. В том числе с того самого буксира, который пытался помешать нам выполнить приказ адмирала. С их стороны мы не встретили враждебного отношения, скорее наоборот. Видимо, как и у нас, японцев, в русских традициях уважительное отношение к доблести своего противника.

Смерть легче пуха, долг тяжелее горы. Мы свой долг исполнили до конца: как я узнал в госпитале, на этот раз русская эскадра была заперта в гавани. Мы смогли завершить дело славного Хиросе и его воинов, ожидающих нас в Ясукуни-Дзиндзя. (*Буксир «Силач» все-таки сумел вытолкнуть «Фусо» к краю фарватера до того, как броненосец лег на дно, и хотя оставшейся ширины канала было недостаточно для броненосцев, крейсера могли проходить.*) Теперь дело было за армией – захватить или уничтожить огнем осадной артиллерии русские корабли в этой китайской мышеловке!

Глава 2

Многие знания – многие печали...

Санкт-Петербург
Конец апреля 1904 года

Кроме очного и заочного, «в записочках», ликбеза о будущем и безуспешных перманентных попыток изменить мировоззрение царя в отношении внутренней ситуации в России, Вадик изо дня в день разрывался между кучей «горящих» дел. Он координировал игру на бирже и достройку Кругобайкалки. Продавливал просьбы и заказы двух своих товарищей через инстанции и держал руку на пульсе подготовки к уходу на Дальний Восток новых эскадр. Организовывал на перспективу опережающее развитие российской военной техники и следил за перестановками в командовании армии и флота... Плюс самое главное в понимании Николая дело – подготовка к борьбе за здоровье наследника-гемофилика. Да еще и антибиотики! Формулы, расчеты, склянки, шприцы. Живые мыши, дохлые мыши...

Каждый божий день недосып и нервное напряжение накапливались. И однажды, когда все это наконец достигло критической массы, у доктора элементарно сдали нервы. Причем, как и следовало ожидать, «рвануло» по поводу того вопроса, где его успехи выглядели пока скромнее всего. Вернее, их вообще не было. Даже не намечалось.

Это случилось через двое суток после приснопамятного разговора о катерах, моторах и новых линкорах. Во время очередной «беседы без свидетелей» в Александровском дворце Царского Села хронически не выспавшийся Вадик по просьбе августейшего собеседника излагал подробности того, что случилось в итоге трагического развития Русско-японской войны в нашем мире. И как хорошо бы до этого не допустить.

Пока он ухитрялся оберегать психику царя от мрачных подробностей драмы в подвале Ипатьевского дома, считая, что довольно того, что его величество понимает, что ТАМ он кончил плохо. По умолчанию...

Отдохнувший и погулявший с утра по подсыхающему парку Николай, как всегда, очень внимательно и почти не перебивая выслушивал Вадиковы эмоциональные воспоминания о будущем. Но когда Банщикова попытался заострить ситуацию на том, что вся эта череда бед была предопределена кризисом государственной системы управления, царь, слегка приподняв бровь, что говорило о легкой степени раздражения, стал неторопливо излагать, что с этим следует делать. Ни на йоту при этом не изменив ни одного своего решения по сравнению с известной Вадиком историей, поскольку в основе всех этих рассуждений лежало одно: принцип неизблемости абсолютной монархии и ее государственных институтов.

Конечно, Вадим был готов к тому, что не следует ожидать вольтерьянства от человека, воспитанного не только своим отцом, прямо завещавшим ему хранить самодержавие как главное достижение российского национального пути, но и полностью солидарным в этом вопросе с Александром III Победоносцевым. Поэтому он старался расшатывать «больной зуб» потихоньку, исподволь подбрасывая Николаю факты, которые, по идее, сами должны были навести царя на очевидные выводы...

Но не тут-то было! Монарх оставался убежденным монархистом.

И вот, в этот прекрасный апрельский день – а день и в самом деле был замечательный: солнце щедро заливало все вокруг, щебетали устраивающиеся на гнездах птицы, пьянящие ароматы распускавшихся садов наполняли воздух, – терпение собеседника императора, далеко, кстати, не самая ярко выраженная черта в характере Вадика, иссякло.

Схватив со стола хрустальную пепельницу, он от всей души швырнул ее в стену. Ярко блеснувшие осколки дробью протрещали по паркету, вылетели в распахнутое окно... После этого в наступившей мертвой тишине раздался странно шипящий голос Банщикова. У него вместе с крышей сорвало и все предохранительные клапаны, которые до сих пор охраняли самодержца от самых неприятных для Николая моментов из истории будущего.

– Ваше пока еще величество, вы можете делать все, что вам захочется, но когда вы это делали в моем мире, то очень плохо кончили. И не только вы, всей вашей семье пришлось расплачиваться за вашу полную неспособность управлять Россией в критический момент. Вы помните, я вам говорил, что ваш сын дожил только до тринадцати лет? Знаете почему? Думаете, дело в тяжелой наследственной болезни? Нет... Просто те самые революционеры, которых вы всерьез не воспринимаете и планируете разогнать одним полком гвардии, в семнадцатом году придя к власти, расстреляли не только вас, но и всю вашу семью.

На Николая, который искренне любил своих дочерей и жену, было больно смотреть. В одно мгновение из уверенного в себе человека и государя крупнейшей в мире страны он превратился в жалкую жертву своего самого страшного кошмара. Но Вадик, намертво закусив удила, больше не намеревался щадить чувства и самолюбие самодержца.

– В подвале дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге в вас и ваших домочадцев сначала выпустят по барабану из револьвера. Потом тех, кто будет еще жив – от корсетов дочерей пули из наганов будут рикошетить – добьют штыками...

– Прекратите, – слабо прошептал Николай.

Но Вадик уже не слышал ничего, его понесло.

– Чтобы тела не опознали, на лицо каждого выльют по банке кислоты, а сами лица разобьют прикладами винтовок...

– Пожалуйста, перестаньте, – тщетно взмолился Николай.

– Останки будут сначала сброшены убийцами в шахту в тайге, а потом, чтоб следов не нашли, они примут решение их вытащить и сжечь. Но по дороге авто поломается, и трупы просто посекут на куски шашками, после чего заруют в придорожной яме, где их и обнаружат только в девяностые годы. А сама Россия, проиграв германцам гораздо более серьезную войну, чем Русско-японская, на пять лет скатится в резню братоубийственной гражданской...

Да, государь. Не супостат чужеземный угробит Россию! Не новый Батыга, не Великий магистр меченосцев или чудовище-корсиканец. Сами! Брат на брата пойдет! Сын на отца... Но это будет еще не конец... За сорок лет после тех дней почти сорок миллионов наших соотечественников погибнут насильственной смертью. СОРОК МИЛЛИОНОВ. Истребляя сами себя и погибая в бессмысленных, навязанных им войнах. И истоком этого безумного, кровавого потока явится ваше, Николай Александрович Романов, царствование...

– Хватит... – уже не шептал, а почти хрипел Николай.

– Но почему? Вы можете даже порадоваться: вас потом канонизирует церковь, и станете вы святым великомучеником и страстотерпцем, – с убийственно злым сарказмом продолжал крушить хрустальные замки царя Вадик. – Иконы с ликом вашим писать будут. За такое и всю семью возвести на эшафот не жалко, не так ли, ваше величество? Оно того уж точно стоит...

– Не надо, пожалуйста, не надо! – самодержца била первая в зрелом возрасте истерика.

– Не надо? Так а я-то тут при чем? – искренне удивился Вадик. – Я-то ничего, что к этому привело, не сделал. Меня тогда вообще не было. Не родился я. Даже родители моих бабушек и дедов еще не встретились... Вас, Николай Александрович, простите, в МОЕМ (выделил голосом Вадик) мире не поддержал НИКТО. Вы умудрились, пытаетесь угодить всем, наступить на мозоль каждому. Даже часть дворянства и малограмотные крестьяне, которые сейчас хоть и собираются жечь помещиков, но на вас лично молиться готовы, через тринадцать лет пойдут против вас. И при известии о вашей гибели больше злорадствовать будут, чем горевать... Вы хотите повторения *этой* истории? Хотите? Тогда можете спокойно продолжать в том же духе.

Ну, а я, пожалуй, перееду. Да, хоть в эту... в Новую Зеландию, что ли. Там-то в ближайшие лет сто будет тихо, на мой век хватит.

– Господи... – Николай, тяжело дыша, расстегнул ворот, сжав в дрожащих пальцах свой нательный крестик. Взгляд его бесцельно блуждал, не задерживаясь ни на чем, – Господи, спаси и помилуй... Какой ужас... Грешен я... И девочек... Как же... кто же... КТО?!

Наконец взгляд его начал приобретать осмысленное выражение, рука, сжимавшая крест, перестала трястись. И взгляд этот сфокусировался на лице Вадима, пригвождая к месту...

«Все. Шлиссельбург. Или виселица... Сразу. А может, тут, в парке, и закопают... Какая, на фиг, Новая Зеландия! Доигрался. Приплыли... Может, в окно? Хоть какой-то шанс...» – пронеслась в голове у Банщикова шальная мысль.

– Вадим... Миша... Можно ли еще что-то изменить? Как ты думаешь? Ты сам веришь? С этим... Ведь если все это в вашем мире уже было... Может, так свыше и предопределено? – хриплым и каким-то чужим голосом проговорил, наконец, Николай.

Отлегло... И снова кровь в виски!

– Хрена лысого что-то вообще может быть предопределено! – грохнул по столу кулаком лекарь Вадик (или Михаил – он уже и сам запутался). – У нас и «Варяг» не прорвался, и Макаров на «Петропавловске» погиб 31 марта. На mine он должен был три недели назад взорваться. А тут – все это уже пошло по-другому! Сами же третьего дни говорили, что верите в то, что Господь вам теперь помогает.

– Так, может, тогда и подвала этого Ипатьевского монастыря не будет, если все пошло по-другому? Уже с вашего появления здесь? – встрепенулся Николай.

– Ипатьевского дома, а не монастыря... И к предсмертным проклятиям и пророчеству Марины Мнишек, уморенной в сем костромском духовном оплоте, инженер этот никакого отношения не имеет. Хотя как знать, как знать... Возможно, вы правы, и некая мистическая связь тут просматривается. Я об этом не подумал... Но тогда – тем более! Сможем ли мы разорвать этот мистический круг – сейчас в первую очередь от вас зависит, ваше величество! И вы сами это не хуже меня понимаете. Я могу лишь подсказать, что помню и знаю из ТОГО будущего, помочь вам подобрать и «зарядить» на общую цель наиболее способных людей, а талантами, слава богу, Россия никогда не была скудна. Просто наши мздоимцы и завистники их хорошо «задвигать» умели. Дерьма-то у нас тоже – не хило. И кто ему окорот давать должен? Власть! А власть – это ВЫ!

Управлять государственным кораблем – это ваша, царская задача. И ваша державная ответственность. Зная, ЧТО может ожидать нас впереди, я лишь могу поставить вешки на фарватере. А сесть на помеченную ими мель или нет – вам решать. Поэтому куда вы штурвал повернете, там мы и окажемся.

Но крутануть-то штурвалом – мало. Нужно быть уверенным, что исправны штуртросы, что машины выгребут против течения, что вахтенные сигнальщики не дрыхнут на посту, что вовремя предупредят: впереди камни! Поэтому вся команда корабля и действует как единое целое. А если бы кочегары враждовали с сигнальщиками? А палубная команда ненавидела машинистов? Может, не лучший пример, но на нем хорошо видно, что, если в команде разброд и раздрай, как ни крути штурвал капитан, а мели не миновать. Так и в стране...

Кризис в российском обществе – системный. И поражение в войне, которого избежать, кстати, вполне реально, это не его причина, но следствие. А то будет в итоге не Ипатьевский дом в Екатеринбурге, а, скажем, Мазаевский в Питере или Гужоновский в Москве. Вам от такого поворота истории правда станет легче? Нет? Надо бороться не с проявлениями кризиса, а искоренять его очевидную причину!

– Боже мой, так в чем, в чем же причина? – кажется, в первый раз за все царствование проявил искренний интерес к внутренним делам своего государства хозяин земли русской.

– А вы и не догадываетесь, ваше величество, в чем?

– Но... Фон Плеве утверждает, что интеллигенция и евреи, они намеренно...

– Ваше величество! Это все – пена! Накипь. Видимая часть айсберга. Я вам два месяца привожу примеры бед, обрушившихся на страну вследствие раздирающего ее внутреннего конфликта, конфликта, который можно выразить одной фразой не иначе как кризис системы управления. Новые производительные силы, новые общественные классы с новым уровнем образования и мировосприятия не способны жить и работать в рамках архаичных социальных отношений абсолютной монархии. Поймите же наконец!

При всем моем уважении к вашему батюшке и Константину Петровичу: это не моя личная придумка. Не вольтерьянство и не якобинство! Это доказано многолетней практикой мирового развития в течение всего наступившего столетия.

– Но почему?

– Отказ от промышленного пути развития превратит любую державу в зависимую от ввоза импортных товаров полуколонию. В лучшем случае. И если госруководство действует в интересах своей страны и такого положения вещей не хочет, проводя индустрию, оно обязано поднимать образовательно-культурный уровень населения. Не избранных каст. Всего народа! Это объективный приговор абсолютизму, опирающемуся исключительно на узкий слой дворянства. Это приговор отжившим свое дворянским привилегиям. Именно они превратили большинство дворян из элиты, движущей вперед всю державу, в паразитов. Эти привилегии переложили львиную долю их проблем на казну государства и таким образом объективно сделали дворянство якорем, не дающим стране двигаться по пути технического прогресса.

Какой такой прогресс?! Зачем им эта головная боль? У них и так все хорошо! Раз им самим теперь можно НЕ СЛУЖИТЬ! Зачем им думать о том, что соседи-конкуренты России вырываются вперед семимильными шагами, когда можно выставить пятимиллионное войско? Отобьемся. Шапками закидаем! А если и поубивают мильен-другой мужиков, пусть бабы еще нарожают. Так? Только что случится, если в нашей орде будет один пулемет на полк, а у полу-миллиона врагов – на отделение? Долго ли провоюем? Очередная битва при Омдурмане?⁸

Значит, промышленность необходима. Причем современная... А раз так, то неизбежно повышение качества и массовости образования, поскольку такой промышленности нужны обученные, грамотные кадры. Но образованный трудящийся человек, из какого бы сословия он ни вышел, уже представитель новой общности. У нас она именовалась средним классом. Такой человек не желает быть чьей-то бездумной пешкой. Вещью! Он готов подчиняться, но осознанно, понимая, что его не используют как тягловую скотину, тупую и безгласную. Ему нужна обратная связь – возможность каким-то образом влиять на принимаемые государством решения. Чтобы ощущать себя личностью, а не быком у ворот бойни.

Взгляните на ваш любимый флот. Через несколько лет к новым машинам и приборам на кораблях уже не поставишь парня от сохи. Да и армия та же... Просто посчитайте на досуге, сколько нужно офицеров, чтобы иметь, к примеру, в военное время пятимиллионную армию? Всех дворян России не хватит! Включая младенцев и стариков. Значит, офицерами неизбежно будут становиться люди и из иных сословий. А сколько инженеров, мастеров, конторщиков, статистиков, бухгалтеров потребуют сотни новых заводов и фабрик? Сколько землемеров и агрономов нужно для приведения в порядок дел на селе? Сколько врачей и учителей? О каких особых дворянских привилегиях тогда говорить? Так что...

– Так что народное представительство неизбежно, Вы это хотите сказать?

⁸ Битва при Омдурмане произошла 2 сентября 1898 года. Это было генеральное сражение Второй англо-суданской войны между английским экспедиционным корпусом Г. Китченера и силами суданских повстанцев. Махдисты имели до 100 тыс. бойцов против 10 тыс. британцев, но были разбиты, потеряв до 40 тыс. чел. убитыми и ранеными. Потери англичан составили 28 человек. Несмотря на высокий боевой дух суданцев, они не смогли реализовать свое численное преимущество из-за подавляющего огневого перевеса противника в артиллерии и, главное, – в пулеметах. В итоге этой войны Судан стал колонией Британии.

– Да, государь.

– Парламент? Как у англичан?

– Ух... Хороший вопрос, ваше величество... Полагаю, что нет. Английская система – это вещь в себе. Единственная и неповторимая. Романовы ведь не промышляли наркоторговлей? Да и доходы с бандитами, пиратами и ростовщиками не делили?

– Чем-чем не промышляли? О чем это вы, Михаил...

– Вот то-то и оно... О чем? Да об опиуме, которым притравили Китай, естественно... О дрейках, морганах, ротшильдах и прочей хватистой шушере с кинжалом или мошной. Ваша семья и вы – не дельцы. Тем смешнее потуги некоторых из ваших дядьев на этой ниве... Так что английская система власти с встраиванием королевской фамилии в доходнейшие бизнесы без учета того, как и чем они пахнут, не для России. Нам она противопоказана категорически.

Наверное, лучше всего взять за основу систему Бисмарка. Как у немцев. И для вас, и для народа лучше. Но, конечно, с сохранением подконтрольного императору правительства. И никаких «ответственных министерств». Дабы позволить вам сохранить всю атрибутику и привилегии династии, назначать СВОЕГО премьера и в конечном счете сохранить реальную власть в своих руках. По большей части на всех важнейших направлениях государственной политики, во всяком случае...

– Господи, как же этого всего не хотел отец... – почти простонал Николай, сжав кулаки до хруста в костяшках.

– Зато к этому практически был готов ваш дед. Не исключено, что поэтому его и убили. Ведь к сему грязному делу приложили руку не только фанатики-исполнители, но и те, кто не желал России величия мировой державы.

– Вы так думаете? Или знаете точно?

– Это мнение многих видных историков и политиков конца двадцатого века. Но однозначного, документально доказанного ответа нет. Британцы умеют прятать концы в воду.

– Но ведь это значит, могут снова...

– Могут. А вы как думали, Николай Александрович? Могут... *Il fine giustifica i mezzi*⁹. Но если по пути наименьшего сопротивления пойдете, на нем уже один раз было ТАК, как я вам только что рассказал. Извините, что грубо получилось. Накипело... Так что вам решать.

– Ничего. Я не в обиде... Но только больше так не нужно, Михаил. С царем... Хорошо?

– Простите, ваше величество, я...

– Все понимаю. И ваши извинения принимаю... Но, Михаил, а разве на этом либералы, социалисты, анархисты и жида успокоятся? Получив место для сборища и выкрикивания своих лозунгов, они обязательно начнут требовать это самое «ответственное министерство», как и законодательные полномочия. Дашь палец, отхватят всю руку по плечо!

– Сразу не начнут. Им нужно будет сперва переварить полученное. А это года два-три, не меньше. И вот их-то, эти годы передышки, нужно ПРАВИЛЬНО использовать. Кроме того, правильные законы и выборный ценз поставят барьер для попадания в парламент совсем уж одиозных нигилистов. Но одних разумных законов мало. Нужно добиться их безусловного исполнения. А с этим у нас пока – сложности. Вы сами знаете.

Беда ваша и России сегодня в том, что дворянская гвардия в ее нынешнем, парадном виде теперь не является ни вашей надежной защитой, ни машиной, способной удержать в узде безответственную, самовлюбленную свору интеллигентствующих особ, желающих жить «как в Европах-Америках». И не способных или не желающих понимать, что для России, как многонациональной империи, либеральная доминанта – гибель. Про полицию, жандармов и органы судопроизводства вообще молчу. Они себя показали год-два назад во всей красе...

⁹ «Цель оправдывает средства» – крылатое выражение Н. Макиавелли.

Собственно, к тому, что вам писал по этому поводу князь Мещерский, мне и добавить-то нечего. И введение совещательного парламента позволит сделать главное – выиграть время для создания ВАШЕЙ реальной силы, которая сможет жестко обуздать всех скрытых врагов российской государственности. Внутри страны и вовне ее.

– По типу того, что сделали Иван Четвертый или Петр Первый?

– Именно так. Опричнина, Секретный приказ... Называйте как хотите, но для наведения порядка в России и защиты от всяческих поползновений извне необходима НОВАЯ Тайная политическая полиция. Выражаясь языком моего времени – спецслужба. Наделенная лично вами чрезвычайными полномочиями. Присягнувшая лично вам, как новая гвардия, и готовая за вас и за державу Российскую порвать глотки кому угодно.

– Я подумаю над этим, Михаил. Кстати, мой родитель тоже собирался сделать нечто подобное. Но тогда, слава богу, обошлось, полиция и жандармы сами управились.

– Сегодня, боюсь, уже не управятся. Кстати! Ваше величество, это очень хорошо, что вы напомнили о полиции... Лопухина надо немедленно убирать. Это не просто «человек не на своем месте». Это деятель, который идейно поддерживает либералов республиканского толка. В моем мире именно его преступное бездействие привело к началу революции 1905 года. Убийайте его. И немедленно. Он, кстати, уже додумался снять слежку в Стокгольме за бывшим японским агентом в России – полковником Акаши. А этот кадр сейчас занимается налаживанием финансирования любых подрывных элементов в России, до которых сможет дотянуться. Да они уже и сами к нему «летят». Как мухи на...

– На кого менять? Кто из наших чиновников или офицеров сейчас готов к занятию этого поста? По мнению ваших историков.

– Мнения-то были разные, ваше величество. Но если брать среднее арифметическое, то, конечно, кандидат единственный. Петр Николаевич Дурново.

– Да он же сам – записной либерал!

– Ваше величество... Вы же помните, что сказал Константин Петрович Победоносцев по такому поводу? «Кто в молодые годы не был либералом – тот дурак. Кто в зрелые годы не стал консерватором – тот сволочь!» Ну не золотые ли слова, а?

– Но Дурново, он же кроме того еще и... Ну, как бы...

– Как бы в смысле на женщин падок?

– Да.

– А это к РАБОТЕ и твердокаменным монархическим убеждениям его как-то относится? Ваше величество, вам нужен умный, решительный и жесткий человек на этом месте? Если так – он у вас есть. А про остальное... У всех свои недостатки, так ведь? А еще у него крепостяне через пару месяцев любимую усадьбу сожгут. Которую он своими руками отстроил. Еще жестче после этого будет. Кроме того, в моем мире именно он справился с революционной ситуацией 1905 года. Так что...

– Так что предупреждать, чтоб хороших сторожей нанял, не стоит Петра Николаевича? – царь улыбнулся, хитровато взглянув на Вадика.

– Думаю, что нет, ваше величество. Правильнее будет денег дать. На восстановление.

– Ну... Пожалуй, насчет Дурново вы меня убедили... И давайте вернемся к главному: что же потом нам делать с этим парламентом?

– Оставить совещательным органом. Весьма полезным, кстати. Восстановив реальный контроль над страной, создать прогосударственную монархическую партию, которая всегда будет получать в нижней палате большинство мест, труда особого не составит, особенно если Япония будет вами побита. И внешне все будет выглядеть «как у них»... – Вадик рассмеялся.

– Да, признаться, такой вариант, да и такая оценка ситуации мне в голову поначалу не приходили. То есть мы как бы поддаемся, а на самом деле...

– Именно. Но не поддаемся, а играем на опережение. И при этом действуем по жесткому, заранее продуманному плану. Не плывем по воле обстоятельств, а сами создаем нужные для развития страны условия и обстоятельства.

– Да. Видимо, не напрасно говорится, что издавека – виднее, Михаил... «Создавать обстоятельства»... Кстати, а эта новая тайная политическая полиция, она что, должна будет... Хм... Скажем так, работать с нашими зарубежными недругами и ЖЕСТКИМИ методами? Даже в Америке или Англии? Ведь по-человечески это аморально. И моя честь...

– Если возникнет необходимость, государь, – непременно. Англосаксы сами с этим не церемонятся. Так что пытаться противостоять им в белых перчатках и с открытым забралом – заведомо гарантированный проигрыш для России. И вот в этом вопросе – никаких угрызений совести, ваше величество. С волками жить – по-волчьи выть. Другое дело, что внешне вы сами должны всегда оставаться в стороне от тайных операций. На то они и тайные.

И, кстати, раз уж пошла такая пьянка, как говорится... ТАМ вы еще додумались до того, что, опасаясь второй смуты, переправили в английские банки большую часть принадлежащих Романовым ценностей. Грубо – почти шесть тонн золота. И поскольку историкам так и не удалось получить прямых улик – подлинных письменных указаний о расстреле ВСЕЙ вашей семьи, – существовало устойчивое мнение, что за этим актом, который был приписан, естественно, ТОЛЬКО местным якобинцам, стояло желание понятных сил в Лондоне этих сокровищ никому не возвращать.

– Даже так?.. Неужели король Эдуард...

– Ваш дядя в «моем» мире скончался весной 1910 года.

– Значит, Жоржи?! Он такое допустил?

– Во всяком случае, он мог спасти и вас, и ваших близких, но не только пальцем о палец для этого не ударил, он еще и отказался предоставить вам политическое убежище. Увы... На фоне этого сущим пустяком выглядит высказывание английского премьера о вашем отречении. Нашего союзника, между прочим. А сказано было лаконично: «Одна из целей Британии в этой войне достигнута»...

– Боже мой...

– Увы, ваше величество. Таковы известные мне факты.

– Все, Михаил. Все... На сегодня хватит... Вы, конечно, доктор, но ваша микстура слишком горька... – Николай с видимым усилием преодолевал мучительную душевную боль и слабость, о которых внутренне сожалел.

Возможно, что раньше, и в отношении кого-либо другого, такое сожаление осталось бы камушком за пазухой. Вполне способным со временем перерасти в увесистый булыжник. Но, к счастью для Вадима, а по большому счету для самого царя, на этот раз он смог оказаться выше мелочной обиженности. Очевидно, что два месяца плотного общения с человеком другой эпохи и другого мировоззрения пошли ему на пользу. И не только информативно. Да еще все больше крепнущая в нем убежденность, что посланец из будущего – это, безусловно, промысел Божий...

Самодержец встал, подошел к окну и некоторое время вглядывался в плывущие в бездонном синем небе облака. Затем, вернувшись к столу, зачем-то подправил стопку и так аккуратно лежащих карандашей, неторопливо переложил бумаги. Молчание затягивалось... Наконец, в руке царя звякнул колокольчик.

– Нам с Михаилом Лаврентьевичем чаю, любезный.

Кивком головы Николай отпустил лакея.

– Горло пересохло очень. От таких убийственных перспектив...

* * *

На следующее утро выглядевший усталым и не выспавшимся император, отложив даже рассмотрение новостей с театра боевых действий, вернулся к теме вчерашнего разговора:

– Так какие общественные силы в России готовы обрушить трон? В вашем понимании, Михаил Лаврентьевич.

– Если позволите, не в понимании, а в знании, государь...

– Конечно, – Николай вымученно улыбнулся. Видно было: за ночь он передумал многое.

– На данный момент ситуацией в империи недовольны практически все слои общества, ваше величество. Как выразился один из видных идеологов социал-демократии: «сложилась революционная ситуация, когда низы не желают жить по-старому, а верхи не могут по-старому управлять». И, к сожалению, возразить на это нечем.

Крестьянам хочется побольше земли, причем – задаром. Как их «обули» с выкупными платежами, они уже разобрались, достаточно сравнить сумму процентов с суммой самого выкупа. Нагайки и пики во время «хлебных» погромов двух прошлых лет они не забыли. Но в этом году полезут в усадьбы не весной, а к июлю-августу, к полным амбарам. И теперь будут усадьбы жечь. Потому как помещики ничего умнее, чем квартировать у себя казаков и солдат, не придумали. А русский мужик – он не дурак. Ему такие вещи дважды не стоит объяснять...

Дворянам – уже успешно прогулявшим выкупные платежи по Парижам, Монте-Карлам и Баден-Баденам – побольше денег, все равно откуда, и продолжать ничего не делать при этом.

Капиталистам-промышленникам подавай парламент «а-ля франсе», дабы можно было проплачивать нужные им законы и государственные проекты, которые вернут им эти деньги с громадным барышом; и еще минимизации налогов в казну с прибылей.

Интеллигентам и прочим разночинцам хочется побольше свободы, хотя они понятия не имеют, что это такое и с чем ее едят. И вообще, чтоб Россия стала Европой. Что, в сущности, невозможно по определению, достаточно взглянуть на глобус. А еще, поскольку они умные и образованные, – порулить страной, с чем, по их мнению, наши Скалозубы и разные прочие Мырцецовы уже не способны справиться. Военным-идиотам хочется повоевать с немцами и австрияками, тогда как военным умным – не делать этого ни в коем случае. Купцам и банкирам – побольше возможности для зарабатывания, вернее, первым для наторговывания, а вторым для ростовщичества, если так можно выразиться. Причем для банкиров еще и еврейский вопрос как заноза в задн... Простите, ваше величество... В пятке. По понятным, конечно, для вас причинам. А еще они со временем научатся организовывать финансовые кризисы, чтобы можно было за бесценно забирать работающие и прибыльные дела у промышленников. Что тоже не просто в государстве с жесткой властной вертикалью. И, само собой, и тем, и другим хочется, чтобы процент прибыли был побольше, а контроль со стороны государства – поменьше.

Вот почему нарождающийся класс рабочих – пролетарии требуют принятия рабочего законодательства, которое защищало бы их права и не позволяло купцам, промышленникам и банкирам их настолько явно обворовывать. И их можно понять: у кого им еще искать защиты и справедливости, если не у государства, у власти, у *вас*?

Сами рассудите, поставив себя на место капиталиста: зарплата рабочего – это издержки, расходная часть. А издержки ему необходимо минимизировать. Значит, идеальная зарплата рабочего, по логике фабриканта, должна стремиться к нулю. А совесть – она у каждого своя. И не каждый капиталист готов видеть в своем наемном рабочем живого человека. Так, как, например, тот же Савва Морозов у нас или у немцев Крупп. Поэтому роль справедливого арбитра в отношениях труда и капитала для государства сегодня – одна из важнейших. Ибо все здесь как закон сообщающихся сосудов. Потрафим одним, получим социальный взрыв с

другой стороны. Так что с одной стороны – трудовое законодательство и укрепление кадров фабричной инспекции, с другой – профсоюзы. В этих условиях нашим господам капиталистам будет о чем важном подумать, кроме расшатывания государственных устоев, – Вадик ехидно усмехнулся.

– Но ведь тогда промышленники могут, наоборот, начать еще активнее рваться к власти и революцию готовить? Под всякими демократическими лозунгами.

– Ну, а «новые опричники» для чего?.. Короче говоря, ваше величество, всем нашим сословиям – и дворянам, и капиталистам – промышленникам, банкирам, купцам, и крестьянам, и рабочим, и мещанам, и разночинцам-интеллигентам – почему-то кажется, что вы и только вы должны все их, и только их, требования удовлетворить. А еще и духовенство, мечтающее о патриархате. И староверы, жаждущие уравнивания в духовных правах, которых мы пока оставляем за скобками.

– Но как? Это же невозможно – угодить всем. Причем сразу... – с сомнением взглянул на Вадика Николай.

– А зачем же сразу? Вы выберите для начала тех, чьи требования кажутся вам наиболее справедливыми и невыполнение которых уж точно приведет к революционному взрыву. Но вынужден предупредить – в тот раз вы сделали ставку на дворянство. И прогорели. Так что его я бы вычеркнул... Кстати, знаете, почему прогорели?

– Почему? – Николай был явно неприятно поражен и обескуражен.

– Дело все в том, что, отменив крепостное право, ваш дед лишил дворянство дармового гарантированного дохода. Просто отобрал с рассрочкой в виде выкупных платежей. И чем ближе становилась перспектива зарабатывания денег собственным трудом и умом, тем более ненавистными становились для некоторых из них Романовы – потомки Александра Второго. Увы, эти «некоторые» по большей части наиболее богатые и влиятельные представители своего сословия. И они с удовольствием заменят вас на троне тем, кто готов вновь железом и кровью вернуть Россию в средневековье с его крепостным рабством. Потому что знают: несмотря на все привилегии и рассрочки, через пару десятилетий халява закончится...

– Халява?..

– Простите, жаргонизм из моей эпохи. Дармовщинка, одним словом.

– Понятно, – Николай тихо рассмеялся.

– Но ведь вы-то на это не пойдете? На реставрацию крепостничества.

– Нет, конечно...

– Что и требовалось доказать. Значит, вы должны быть готовы к их скрытому, а вполне возможно, и к явному противодействию. Отдавать то, что априори считаешь своим, никто не захочет. А отбирать часть привилегий у дворян все равно придется. И в первую очередь это относится к сфере образования, к отмене ограничений «на профессию» для выходцев из других социальных, религиозных или национальных слоев. Но самое главное – к возврату обязательности служения для представителей данного сословия.

– Если мы на все это пойдем, то ведь они могут...

– А опричники для чего?! Нужно позаботиться о своей безопасности, ваше величество. И не полагаться больше на дворянскую гвардию всегда и во всем. О чем мы вчера говорили?

– Ох, Михаил... То, о чем мы вчера говорили, я уже не забуду никогда, но...

– Главное: мы с вами говорили вчера о необходимости новой государственной силы, о тайной политической полиции. Без этой опоры вы будете связаны по рукам и ногам. И все варианты «разруливания» ситуации в ущерб имущим классам могут запросто закончиться «апоплексическим ударом табакеркой». Зачем наступать на грабли из чулана Павла Первого?

Это может быть некий симбиоз патрицианской гвардии и секретного приказа эпохи Петра. Из наиболее профессиональных и преданных лично вам офицеров флота, армии, полиции. И не только из дворян. И не только из офицеров. В моем времени такие спецслужбы

существовали во всех великих державах без исключения. Да и не только великих. Но я бы предложил вам об этом поговорить отдельно, уж больно важная тема, а кроме того, Василий Александрович обещал прислать секретным письмом его видение проблемы.

– Хорошо, Михаил... Но что же получается, на дворянство в целом в преобразованиях общества рассчитывать вообще нельзя?

– Это, увы, тупик в исторической перспективе. И, как вы верно подметили, чревато...

– А кто тогда остается, неужели банкиры? – попытался угадать самодержец.

– Ха! Вот уж эти достойные мужи, сколько вы им ни предложите, перепродадут и вас, и всю Россию оптом и в розницу тому, кто предложит на пять копеек больше! – хохотнул в ответ доктор. – Нет, конечно.

– Тогда, может быть, все-таки заводчики, наша промышленная буржуазия?

– И снова мимо, ваше величество. При их бесспорной важности для развития страны по индустриальному пути, при том, что, создавая и расширяя промышленность, они работают на благо России, смысл их деятельности вовсе не идеалистический альтруизм, но получение прибыли. Законы империи им позволяли делать это вполне вольготно более тридцати лет. Как вам известно, ряд наших промышленных воротил имеют уже громадные состояния. Некоторые из них пока еще вполне лояльны к вам. Но таковых, увы, уже меньшинство... Почему пока, спрашивается? Что случилось? Что им-то не так?

Причина очевидна. Они хотят еще больше денег! И видят единственную дорогу к этому в своем политическом влиянии. И абсолютная монархия становится им в этом помехой. Не потому, что участие во власти в той или иной форме дорого стоит, а всего лишь потому, что, урвав свой кусок политического капитала при вас, потом, при Алексее Николаевиче, все может перемениться на сто восемьдесят градусов. Ибо все будет зависеть от субъективного решения другого человека. Одного человека. Отсюда и растет их общая с банкирами либеральность, и требования парламента и конституции, и финансовая поддержка экстремистов всех мастей, коррупция и ориентация на враждебные Российской самодержавной империи государства. Не потому, что они против России. Просто идеальное общественное устройство для них и для финансовых воротил – демократическая республика во главе с выборным президентом и подотчетным парламентом правительством. Там можно купить всех и все. Там можно привести к власти кого угодно. Кого – не важно, хоть подонка и законченного мерзавца, главное – заплаченного, своего...

– Какая же это гадость...

– Это реалии жизни, ваше величество. Где главная гадость – это деньги. Но, увы, без них пока никак. Поэтому, государь, как реальную опору трону, буржуазию, что финансовую, что промышленную, вряд ли стоит всерьез рассматривать. Скажу больше: некоторым конкретным представителям этого класса вам предстоит, как говорится, начать перекрывать кислород. И не мешкая. У замешанных в поддержке деструктивных сил даже отбирать собственность и дело. И учтите, кстати: главный выразитель их чаяний и суперагент в Зимнем – это, как ни прискорбно, господин Витте, который после снятия с поста министра финансов ненавидит вас, лично вас, всеми фибрами души. Так что не обольщайтесь на тему тех четырехсот тысяч, что вы ему на прощанье вручили в конвертике в моем мире. Не оценил...

В отношении же лояльных промышленных толстосумов нужно будет вводить новые формы организации бизнеса. Частно-государственные концерны. С одной стороны, дав больше заказов и денег, с другой – накрепко привязав к государственной колеснице. Ведь хочешь не хочешь, а без интенсивного развития промышленности страна просто не выживет.

– Но каждый завод, каждая фабрика или мануфактура – это же рабочие, пролетарии, о которых вы так печетесь. А не они ли устроили ту самую социалистическую революцию, о которой вы говорили? – скептически протянул Николай.

– Они, голубчики, они... Но если им создать условия, в которых было бы выгоднее работать, а не митинговать, то у вас лет через десять не будет более надежной опоры. За исключением армии и флота, конечно. Средний класс называется, я вам вчера говорил... Рабочие, при правильном отношении власти, будут на вашей стороне. А вот замкнуть пролетариев на выяснение отношений с фабрикантами надо. Причем так, чтобы государство выступало в роли третейского судьи. Нужно дать им возможность легально отстаивать свои экономические права. Как вы помните, Зубатов уже начинал работу в этом направлении...

– И именно это его начинание привело к политическим стачкам и кровопролитию.

– Если бы все было действительно так... Просто некоторые деятели виртуозно сумели повесить на него всех собак, дабы их собственные просчеты и ошибки выглядели менее рельефно в ваших глазах... Да, да. Я имею в виду конкретно господ Плеве и Витте. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, ваше величество. В моем времени была одна хорошая поговорка: если не можешь предотвратить пьянку, нужно ее возглавить. Этим Зубатов и занимался. Только на беду поставил не на того идеолога. Господин Тихомиров – английский агент с 1884 года. К сожалению, в моем мире русская контрразведка узнала об этом лишь в ходе Великой войны, через десять лет. Хотя, полагаю, знай Зубатов сей нюансик, смог бы и это обстоятельство на пользу России повернуть.

Многоуважаемый Витте со товарищи сделали все, чтобы поставить на «полицейских профсоюзах», крайне своевременной идее умнейшего человека и государственника, крест. Причем человека, верного вам до могилы. В моем мире, чтобы вы знали, он – преданный, сосланный и оплеванный – пустил себе пулю в висок, узнав о вашем отречении от престола... Так-то, ваше величество...

Если помочь пролетариату организовать в эффективные профессиональные союзы, да еще защитить их деятельность законодательно, направлять ее, этим можно убить двух зайцев. Во-первых, выбить социальную почву из-под ног большей части социал-демократов и прочих революционеров, а во-вторых, иметь серьезного союзника в случае, если крупный бизнес не примет предложенных ему новых правил игры. А кое-кто из них вывернуться попробует.

Кстати, если вы думаете, что те Союзы русских фабрично-заводских рабочих, что создал по всему Питеру поп Гапон, и так вполне отвечают этим задачам – заблуждаетесь. Именно от них произошла смута, которую в моей истории назвали революцией 1905 года. Но это тоже отдельная тема, прямо связанная с англо-японскими подрывными мероприятиями против империи. Она столь серьезна, что, если позволите, я изложу вам ее отдельно и более подробно в другой раз.

– И как нам дальше быть со всеми дворянами, профессорами, купцами, заводчиками, банкирами, если на них ставку не делаем? Вы правы, ведь многие из них очень амбициозны...

– Их надо занять взаимными разборками.

– Чем-чем, простите? – широко открыл глаза Николай. – Что именно они будут вместе разбирать?

– Простите, фраза из моего времени. Это означает, что они будут разбираться между собой, кто из них самый-самый... А идеальная среда для этих раз... выяснений отношений, – не сразу нашел мыслящий сейчас категориями своего времени Вадик замену «разборкам», – это как раз и есть трибуна общественного парламента. Лет на несколько говорунов и прочий интеллектуальный мусор это займет. Главное, чтобы они были уверены, что действительно влияют на государственную политику. Задача же вашего правительства – реального управления страной этим алчущим наживы деятелям не отдать. Есть несколько домашних заготовок на этот счет. В моем времени все это называлось политтехнологиями и пропагандой.

Начинать придется с контроля над ВСЕМИ крупными и популярными средствами массовой информации. Над газетами и журналами. Над синемаатографом, ибо именно он в перспективе – самая мощная сила на политическом фронте. Причем контроля мягкого, ненавяз-

чивого, а не жесткой цензуры. Это разные вещи. Потому что формально свободу слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности это все действительно необходимо народу ДАТЬ, а то он все одно сам возьмет, разнеся полстраны до кучи.

А потом неплохо бы потребовать отчет о результатах работы этой самой Думы – сразу станет ясно, кто там собрался. Так мы выключим большинство «ниспровергателей» из активной революционной борьбы. Ну, и появится повод вводить расстрельные статьи для продолжающих использовать террористические методы. Эти маргиналы мешают нормальной работе «всенародно избранной Российской думы», а вы – над дракой и лишь выполняете волю народа. Причем это будет касаться не только боевиков, но и их идейных вдохновителей, где бы они ни находились: в Женеве, Цюрихе, Париже, Нью-Йорке или Лондоне.

– А расстреливать обязательно? – неуютно поежился весьма набожный человек, волею судьбы занимающий трон в столь судьбоносный, переломный для страны момент.

– Смотря кого. Того, кто сознательно пошел на убийство вместо попытки получить больше голосов на выборах, лучше не расстреливать даже... Вешать. Почему нет? Да и вообще, списки особо неприятных лиц я потом приготовлю... С кем-то из нынешних радикалов надо будет попробовать работать вместе, ведь среди них, не забывайте, есть и интеллектуалы, и истинные патриоты своей страны. Но кого-то, так или иначе, придется убирать с политической сцены. Где компроматом и дискредитацией, а где и слишком сытным ужином с грибочками. Публичная казнь ведь тоже не идеальное средство пресечения – она создает мучеников, павших за идею... Но во время войны любая агитация против своей страны в пользу противника – это уже равнозначно пуле, выпущенной в спину своим сражающимся с врагом армии и флоту. С соответствующим наказанием.

– Пожалуй, это справедливо, – задумчиво проговорил Николай, – вот только, Михаил, неразборчивость в средствах я не смогу одобрить. Разве нам нельзя потребовать выдачи преступников у правительств тех стран, где они прячутся?

– Не нельзя. Бессмысленно. Это уголовного вам выдадут с радостью. Политического – найдут сто тысяч одну причину этого не делать. Ведь он – их оружие в борьбе против России. Конечно, вам решать, однако бороться с пятой колонной в белых перчатках, по-моему, совершенно контрпродуктивно. Для этой тяжелой болезни главный способ врачевания – хирургический. И это вовсе не «неразборчивость», а как раз – избирательность. Жертва малым ради сохранения несоизмеримо большего.

– А пятая колонна – это?..

– Ах да. Простите, ваше величество, очередной термин из моего времени. В Испании в конце 1930-х шла гражданская война. Мятеж, поднятый военными против правительства. Генерал мятежников, наступая со своей армией на Мадрид, передал по радио обращение к населению испанской столицы, заявив, что, помимо имеющихся в его распоряжении четырёх армейских колонн, он располагает ещё и пятой колонной, в самом Мадриде, которая в решающий момент ударит с тыла. Это были предатели и шпионы, окопавшиеся в городе. Они сеяли панику, занимались саботажем, шпионажем и диверсиями. Пятая колонна нанесла вреда не меньше, чем четыре армейские. Предатель ведь всегда бьет в самое уязвимое место.

– Ясно, спасибо, Михаил... Так как вы на днях сказали? Кнут и пряник, лавр и терн, Вольтер и Макиавелли?

– Да, ваше величество. И только вместе, – Вадим улыбнулся, только сейчас заметив на углу столика у дивана Николая томик «Государя» с закладками.

– И все-таки, о народном представительстве. Из вашего рассказа получается, что я не смог контролировать это парламентское чудовище, мною же на свободу и выпущенное?

– Не так все просто, государь, хотя в целом и верно. Главное, конечно, в том, что вы и ваши советники не смогли действовать на опережение. А когда вы вводили те или иные демократические институты, делали это уже под давлением революционного бунта. И воспринима-

лись они уже не как дарованные вами, а как вырванные у вас. В качестве слабого утешения могу сказать лишь, что двадцатый век уничтожил все неограниченные монархии. Причина достаточно проста: чем люди умнее и образованнее, тем более эффективно они управляют собой сами – раз, и тем больше они хотят управлять собой сами – два. Если последнее ещё можно подавить или даже проигнорировать, то первое ставит страну, отказывающуюся от услуг своих подданных по самоуправлению, в заведомо проигрышное положение. Феномен САСШ – будущего мирового лидера...

– Американцы? Лидеры мира?! А Великобритания?

– А не стало её, Великобритании. Англия одна от нее осталась. Колонии они потеряли, и даже Ирландию почти всю. Причем без войн и революций. И плелись в итоге в кильватере политики своей собственной бывшей колонии...

– Британия потеряла колонии? И даже Индию? Вот это номер! Надо будет обязательно засесть с вами подробно и обсудить положение стран в начале двадцать первого века. А то никак руки не доходят за делами и корреспонденцией... Но что помогло американцам так подняться?

– Ваше величество, прикажите, чтобы вам принесли текст их Конституции. Феномен успеха САСШ – во многом именно в этом документе. И перевод, и подлинник на английском. И, конечно, – Билль о правах. В конце концов, нам ведь это нужно не столько потому, что изобретать велосипед – напрасная трата времени, но и потому, что противника нужно изучать с азов. Тем более противника столь серьезного, вы ведь промстатистику их роста знаете?.. По поводу же их мирового лидерства... Были и субъективные моменты. Так, отсутствие поначалу значимых внешних врагов помогло – все были «плюшевые», как раз для сплочения нации, но не для серьёзной драки. Поэтому для нас на этапе реконструкции страны также крайне важно удерживаться от войн. Если, конечно, не как в этот раз. Когда сами лезут...

– Идею вашу с парламентом я понял – уступить часть, чтобы сохранить главное. Но я примерно о таком же и подумал. И с игрой на опережение – тоже понятно. Если уж в зубе есть дупло – нужно скорее звать дантиста. Само не зарастет, а если тянуть – без зуба останешься.

– Угу. И еще намучаешься сначала.

– Конституцию Североамериканских Штатов, говорите? Хорошо... Ну, а как они это физически проделали?

– Технически так: сначала был промышленный и сельскохозяйственный рывок, освоение внутреннего рынка. Затем разворот к внешней экспансии, что как раз сейчас тут происходит. Дальше – господство на морях, которое они отобрали у англичан. Причем бескровно. После чего – доллар, который они сумели фактически сделать мировой валютой. И наконец, курс на взятие под контроль добычи углеводородного топлива, нефти и природного газа.

– Вот как? Очень интересно... Но не будем отвлекаться от нашей сегодняшней темы... И что же у нас получается: если не рабочие, то, следуя вашей логике, Михаил, главная опора государства и трона в России – крестьяне?

– Именно так. И это – без вариантов. Крестьянство – вот кто пока в России составляет большинство населения. И даже только поэтому логично начать решать накопившиеся проблемы и недовольства не сверху, а снизу. Как вы, конечно, лучше меня знаете, сельское население России за последние сорок лет удвоилось, с пятидесяти до ста миллионов человек, причем еще десять миллионов человек за этот срок переселились в города, численность населения в которых возросла почти в пять раз. Всех оставшихся надо обеспечивать землей. Но ее в общинном землепользовании не прибавилось. Поэтому в деревне нарастает критическая масса обездоленных, голодных, в значительной массе молодых, неграмотных, недовольных условиями жизни людей, которые просто взорвут страну, если не предпринять срочных мер. Причем масштабных и радикальных.

Грабеж хлебных амбаров в усадьбах в последние два-три года – только первые звонки. Частности, вроде переселенческой политики, могут только отодвинуть срок бунта, хотя на начальном этапе и это очень важно. Ситуация усугубляется тем, что в связи с ростом экспорта пшеницы и ее возросшей «товарностью» крестьяне стали отказываться от выращивания других культур. Это не только увеличивает риск голода в неурожай. Хуже, что это чревато катастрофическим снижением урожайности из-за резкого сокращения площадей под посевами гречи. Что в особенности, как это ни прискорбно, относится к нашей главной житнице – к Малороссии...

– А почему так важна именно гречиха?

– Она убивает сорняки тенью листы. После нее злаки можно высевать на незараженном поле. Поэтому под нее раньше и отводилось около пятнадцати-двадцати процентов посевных площадей. Кстати, раз уж затронули, гречиха будет очень необходима и по другой причине. Когда мы начнем создавать госрезервы продовольствия на случай большой войны, для переселенческой программы, да и просто как прекрасный продуктовый товар. Консервированную тушеную говядину, свинину с гречневой кашей можно хранить в герметичных банках, жестяных или стеклянных, много лет. Если технологию консервирования и хранения соблюдать – десятилетиями даже.

Одним словом, исправление явных перекосов в землепользовании, интенсификация и механизация сельского хозяйства, включая мясное и молочное животноводство, строительство элеваторов, консервных фабрик, агрономия, производство удобрений, безотвальная вспашка, внедрение тракторов, молотилок и прочей механизации, расширение садоводства... Все это – важнейшие, давно назревшие вопросы, увязанные в единый клубок. И, к сожалению, требующий для своего распутывания не год или два. Но сами крестьяне в массе своей ни о чем подобном и не помышляют. Они жаждут решения «в лоб». Их будоражит в первую очередь малоземелье. И видят они кратчайший путь к этому в отъеме барских и церковных земель. Отгородиться от этой проблемы или загнать внутрь штыками уже нельзя. Единственный способ быстро остановить брожение в этой бочке, у которой вот-вот сорвет крышку со всем, что на ней стоит, а это и мы с вами, – это устранять правовую дискриминацию крестьян и решить земельный вопрос. Разумно. А не рубя с плеча.

В нашей истории это все с переменным успехом делал Столыпин, пока его не грохнули. Его энергию надо лишь немного перенаправить с обязательного и немедленного разрушения общины в сторону более активного наделения землей тех, кто из нее и так готов выйти. Ведь для прекращения брожения достаточно удалить дрожжи. А если дать активным людям России возможность зарабатывать и брать столько земли, сколько они могут вспахать, то им никакая революция не нужна уже будет. Вот где необходима Маньчжурия!

А старая община – это готовый источник кадров для крупных сельхозхозяйств, которые, благодаря передовой агрономии и сельхозтехнике, позволят собирать урожаи с десятины в два-три раза большие, чем сейчас собирают общинники на своих наделах. Именно при них нужно создавать машинно-тракторные станции, у которых и частники начнут со временем арендовать технику, тракторы, чинить свои собственные, когда ими обзаведутся. И элеваторы, и консервные заводы, – все это будет привязываться к крупным сельхозхозяйствам. К их организации можно будет и иностранный капитал допустить. Пускай крупное германское юнкерство не зарится на Малороссию как на главного конкурента или объект военного захвата, а само приходит сюда со своей агрокультурой. Нужно дать им налоговые льготы, гарантии, чтобы кайзер и рейхстаг поняли, что с нашей помощью продовольственная безопасность фатерлянда будет обеспечена.

Вдумайтесь только, немцы собирают у себя в три-четыре раза больше зерна с десятины, чем у нас! И при этом в малых хозяйствах там жнут до сих пор серпом... Конечно, с ростом производительности крестьянского труда количество потребных рабочих рук на селе будет

уменьшаться. Но для городских заводов, которые нам через пару лет надо будет строить десятками, а лет через пять-семь – уже сотнями, эти высвободившиеся на селе люди будут крайне необходимы.

– Значит, там... в вашей истории, Петра Аркадьевича...

– Да, увы. В Киеве, осенью 1911-го, когда крупным хлеботорговцам надоело его...

– Нет. Не надо об этом пока. Главное, что я в нем не ошибся. Могучий он человек. И знаете что, Михаил, если вы не возражаете, давайте-ка мы пока на эту тему закончим. С меня на сегодня уже хватило. Понимаю, что вы устали очень, но все-таки попрошу: вы мне тезисно постарайтесь набросать на бумаге то, что вы мне сегодня и вчера рассказали, чтобы я мог хорошенько подумать по каждому пункту. Совсем не хочется ошибаться. Совсем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.